

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА ИСТОРИИ И ПРАВА

Крушение режима Ф. Франко и переход к демократии в
Испании (1973-1981 гг.)

Выпускная квалификационная работа
По направлению 44.04.01 Педагогическое образование
Направленность программы магистратуры
«Современное социально-историческое образование»
Форма обучения очная

Проверка на объём заимствований:
93,5 % авторского текста

Работа рецензия добавок защите
«27» мая 2025 г.

и.о. Зав. кафедрой Истории и Права
Н.В. Коршунова Коршунова Н. В.

Выполнил:
Студент группы
ОФ – 224-269-2-1
Исаев Виталий Вячеславович

Научный руководитель:
д.и.н., профессор кафедры
Истории и Права
Л.В. Никитин Никитин Л.В.

Челябинск
2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПРЕДПОСЫЛКИ КРИЗИСА ФРАНКИСТСКОГО РЕЖИМА .	11
1.1. Экономические и социальные изменения в Испании в 1960–1970-х гг.	11
1.2. Политическая стагнация и внутренние противоречия.....	19
1.3. Роль оппозиции и международных факторов в давлении на режим Ф. Франко	24
ГЛАВА 2. ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: ОТ ДИКТАТУРЫ К РЕФОРМАМ (1973–1976 ГГ.).....	33
2.1. Покушение на Карреро Бланко. Политические последствия	33
2.2. Смерть Франко и приход к власти Хуана Карлоса I	38
2.3. Реформы Адольфо Суареса и Закон о политической реформе 1976 года.....	45
ГЛАВА 3. УСТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ (1977–1981 ГГ.)	57
3.1. Выборы в Учредительные кортесы и консолидация власти (1977 г.)	57
3.2. Принятие Конституции 1978 г. Парламентские выборы 1979 г.	67
3.3. Попытка военного переворота 23 февраля 1981 года и окончательная легитимация демократии.....	75
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	84
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	88

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина XX века стала временем масштабных политических трансформаций в странах Европы. Особое место в этом процессе занимает Испания, на протяжении почти четырех десятилетий находившаяся под авторитарной властью Франсиско Франко. Его смерть в 1975 году ознаменовала не просто конец диктатуры, но и запуск уникального по своей структуре и динамике процесса демократического транзита — перехода от авторитарного режима к демократии, происходившего в условиях институциональной преемственности, политических компромиссов и глубоких социальных изменений.

Актуальность темы определяется, прежде всего, несколькими факторами. Во-первых, демократический переход в Испании произошел без гражданской войны и внешнего давления — что делает данный случай особенно ценным для сравнительного анализа процессов демонтажа диктатур. Во-вторых, модель испанского транзита впоследствии стала ориентиром для аналогичных процессов в странах Латинской Америки и Восточной Европы. В-третьих, многие черты, заложенные в ходе перехода (роль монархии, особенности региональной автономии, компромиссный характер политического устройства), до сих пор оказывают влияние на политическую и правовую систему современной Испании. В этом контексте обращение к испанской модели перехода остаётся не только академически значимым, но и практически востребованным.

Проблема крушения франкистского режима и перехода Испании к демократии в 1973–1981 гг. получила широкое освещение как в зарубежной, так и в отечественной *историографии*. В зарубежных исследованиях с начала 1970-х годов основное внимание уделялось политическим процессам демонтажа авторитарного режима и формированию демократических институтов. Ранние работы, такие как «Transition in Spain: From Franco to Democracy» Висенте Альбы (1978) [94], «Spain: Dictatorship to Democracy»

Рэймонда Карра и Хуана Пабло Фуси (1979) [96], «The Forces of Freedom in Spain, 1974–1979» Дэвида Итона (1981) [99], а также труды Мароваля [104] и Ковардейла [98], фиксировали ключевые события политического перехода, делали акцент на роли Адольфо Суареса, эволюции партийной системы и результатах первых демократических выборов.

Начиная с 1990-х годов, зарубежная историография приобрела более системный характер: исследователи стали анализировать не только политические, но и институциональные, правовые и социокультурные изменения. Фундаментальные работы Пола Престона («The Triumph of Democracy in Spain», 2001) [109], Стэнли Пейна («The Franco Regime, 1936–1975», 1987) [107], а также Хавьера Туселя («La transición española», «Historia de España en el siglo XX», 2000) [115, 117] способствовали переосмыслению значения франкистского наследия и структуры переходного периода. Значительный вклад внесли документальные издания и источниковедческие публикации: «La dictadura franquista (1939–1975)» под редакцией Родригеса Сабина [111], «La transición en sus documentos» Наварро Санчеса [105], сборники «Centro de Investigaciones Sociológicas» [103], а также документы, опубликованные в «Modern Spain: A Documentary History» (2007) [95] и на официальных сайтах испанского правительства.

В последние два десятилетия историография характеризуется междисциплинарным подходом. Исследователи, такие как Касорла Санчес [97], Радклифф [110], Хупер [100] и др., обращаются к вопросам исторической памяти, социальной динамики, участия Церкви, трансформации ценностей, транснационального влияния и правового контекста. Это позволяет рассматривать переход не только как политическое, но и глубоко социальное явление.

В отечественной науке внимание к переходному периоду в Испании сформировалось ещё в 1970-е годы. Хотя работы того времени нередко носили идеологически ангажированный характер, в них содержатся ценные сведения о развитии оппозиции и социально-политических противоречиях

в позднефранкистской Испании. К числу таких исследований относятся публикации С. П. Пожарской [70, 71], Т. Н. Барановой [39], А. А. Красикова [61, 62].

С конца 1980-х годов отечественные историки постепенно отходят от идеологического подхода, что особенно заметно в исследованиях 1990–2000-х гг. Важными работами этого периода стали статьи Е. Г. Черкасовой [92], сборники «Современная Испания» под редакцией В. В. Загладина [77, 78], издания нормативных документов, а также правовые исследования Т. А. Алексеевой [34, 35], Е. Ю. Калининой [58] и других, посвящённые эволюции форм государственного устройства, функционированию парламента и реформе конституционного права.

Современный этап характеризуется расширением тематики и методологии. Работы Ю. В. Ушакова [81], Л. В. Пономарёвой [73], З. Б. Буниной [41], С. М. Хенкина [83, 90], публикации по вопросам испанского католицизма, гражданского общества, партийной конкуренции, участия в международных структурах, а также российские переводы испанских источников отражают возросший интерес к комплексному анализу испанского опыта демократического транзита. Особый акцент делается на вопросах децентрализации, федерализма, автономий, взаимодействия центральной власти с регионами, а также на социологических аспектах реформ.

Таким образом, тема перехода Испании от франкистского режима к демократии получила всестороннее освещение как в зарубежной, так и в отечественной историографии.

Объектом исследования является политическая система Испании в период позднего франкизма и демократического транзита, охватывающего годы с 1973 по 1981.

Предметом исследования выступают механизмы демонтажа авторитарного режима Франсиско Франко, институциональное оформление

перехода к демократии и процесс легитимации новой политической системы в Испании.

Цель исследования — проанализировать внутренние и внешние факторы, повлиявшие на крушение режима Франко, и проследить поэтапное становление демократических институтов в Испании в 1973–1981 гг., выявив особенности и закономерности испанского варианта мирного транзита.

Для достижения данной цели были поставлены следующие *задачи*:

1. Выявить экономические, социальные и политические предпосылки кризиса франкистского режима в 1960–1970-х гг.;
2. Охарактеризовать политическую стагнацию и внутренние противоречия позднего франкизма и определить степень их влияния на утрату устойчивости режима;
3. Рассмотреть деятельность испанской оппозиции и влияние международных факторов, включая роль эмиграции и внешнего давления в процессе разложения франкистской модели;
4. Исследовать политические последствия убийства Луиса Карреро Бланко и усиление кризисных процессов внутри режима;
5. Проанализировать политическую обстановку после смерти Франко и особенности передачи власти Хуану Карлосу I;
6. Оценить реформаторскую деятельность Адольфо Суареса и содержание Закона о политической реформе 1976 года;
7. Проанализировать выборы 1977 года, их значение для перехода и консолидации власти;
8. Исследовать принятие Конституции 1978 года и выборы 1979 года как институциональное закрепление демократии;
9. Оценить попытку военного переворота 23 февраля 1981 года как кульминационный момент процесса легитимации демократии.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1973 по 1981 год. Нижняя граница определяется 1973 годом — годом назначения

адмирала Луиса Карреро Бланко главой правительства в связи с ухудшением здоровья Франсиско Франко, что ознаменовало попытку «институционализации франкизма без Франко» и одновременно подчеркнуло начало внутреннего кризиса системы. Верхняя граница исследования — 1981 год, когда провал попытки военного переворота 23 февраля стал не только кульминацией кризиса переходного периода, но и важнейшей вехой в окончательной легитимации демократии в Испании.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Испанского государства в её границах конца XX века.

Методологической основой исследования являются как общенаучные методы исследования, такие как анализ, синтез и обобщение, так и специальные методы. С помощью проблемно-хронологического метода будет прослежена последовательность ключевых событий переходного периода, выявлена их причинно-следственная связь и внутренняя логика политических процессов. Историко-генетический метод позволит реконструировать происхождение и эволюцию политических институтов, проследить механизмы их адаптации от франкистской модели к демократической. Политологический подход обеспечит категориальную интерпретацию изучаемых процессов, опираясь на теории демократического транзита, в том числе концепцию «согласованного перехода».

Помимо этого, для объективного изучения фактов и рассмотрения всех процессов и явлений — как в развитии, так и во взаимной и временной связи — будут использованы принцип историзма и принцип научной объективности. Кроме того, одним из основных научных подходов будет являться, прежде всего, системный подход, позволяющий анализировать политическую трансформацию как результат взаимодействия комплекса факторов: институциональных, социально-экономических, культурных и внешнеполитических.

Источниковая база настоящего исследования включает разнообразные по происхождению и типологии документы, отражающие ключевые этапы крушения режима Франко и перехода Испании к демократии в 1973–1981 гг. Все источники условно можно разделить на несколько групп: нормативно-правовые акты, программные документы политических партий, материалы международных организаций, мемуарно-публицистические свидетельства, периодическая печать и аудиовизуальные материалы, а также электронные архивы и базы данных.

Центральное место занимает корпус нормативно-правовых актов, опубликованных в «Boletín Oficial del Estado» и отражающих институциональную трансформацию испанского государства. Ключевыми являются «Ley de Reforma Política» (1976) [5], «Constitución Española» (1978) [1], «Ley Orgánica del Estado» (1967) [7], «Ley de Sucesión en la Jefatura del Estado» (1947) [6], а также декреты, регулирующие избирательные процедуры, амнистию, реорганизацию институтов власти и переход полномочий к монархии. Эти акты позволяют проследить постепенное демонтаж франкистского правопорядка и юридическое оформление демократического режима.

Значительный пласт источников представлен программными и предвыборными документами политических партий, в частности «Союза демократического центра» (UCD) [20], «Испанской социалистической рабочей партии» (PSOE) [19], «Коммунистической партии Испании» (PCE) [18] и «Народного альянса» (AP) [16]. Эти тексты позволяют реконструировать спектр политических стратегий, идейных платформ и целей, которыми руководствовались ключевые акторы транзита в преддверии выборов в Учредительные кортесы в 1977 году.

Материалы международных организаций, в первую очередь ООН, Совета Европы и «Amnesty International», фиксируют внешний контекст демократизации, международное давление на франкистский режим и реакцию мирового сообщества на внутренние события в Испании.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 39(I) (1946) [27], документы Совета Европы 1971 года [25], а также отчёты правозащитных организаций 1960–1970-х годов [24] отражают правовую и гуманитарную проблематику франкистского наследия.

Мемуарно-публицистические источники и материалы политической публицистики предоставляют личностные и эмоционально окрашенные свидетельства участников и наблюдателей событий. Это выступления Адольфо Суареса и короля Хуана Карлоса [28], сборники министерских воспоминаний («Franco visto por sus ministros») [29], официальные заявления о смерти Франко, а также документы из «Diario de Sesiones del Consejo de Ministros» [15] и переписка из Архива Администрации [30]. Эти источники помогают восстановить логику принятия решений и восприятие переходного периода элитами.

Широко использовались материалы испанской периодической печати – в частности, газет ABC [21] и Ya [23], – в которых отражаются общественные настроения, реакция СМИ на ключевые события, в том числе смерть Франко, референдум 1976 года и попытка переворота 23 февраля 1981 года. Также были привлечены аудиовизуальные материалы – телерадиовыступления короля, доступные через RTVE [28], – как важный элемент публичного дискурса и визуального оформления власти в переходный период.

Наконец, важную роль играют электронные архивы и базы данных: документы «Junta Electoral Central» [31], архивы парламентских сессий («Congreso de los Diputados») [13], материалы «Archivo General de la Administración» [15, 30], а также официальные результаты выборов и референдумов. Их доступность и актуальность обеспечивают достоверность анализа, а цифровой формат способствует интеграции исторических данных в исследовательскую практику.

Таким образом, многообразие привлечённых источников, охватывающее как официальные документы, так и медиадискурс,

обеспечивает репрезентативную и комплексную основу для изучения политического транзита в Испании, позволяя осветить его как с правовой, так и с социокультурной и международной перспектив.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе механизмов демонтажа франкистского режима и перехода Испании к демократии в 1973–1981 гг. как целостного политико-правового процесса. В работе акцент сделан на взаимодействии внутренних и внешних факторов, институциональной логике реформ, а также на оценке роли политических акторов — короны, правительства Суареса, оппозиционных сил и армии — в обеспечении мирной трансформации власти. Особое внимание уделено документальному анализу ключевых правовых актов, что позволило проследить переход от «органической демократии» к плюралистической парламентской системе в контексте правовой преемственности.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных результатов при преподавании новейшей истории и политологии, разработке методических материалов по истории Европы XX века, а также в рамках программ правового и гражданского образования. Результаты анализа могут быть полезны для дальнейших сравнительных исследований демократических транзитов, а также для оценки политических реформ в странах, осуществляющих переход от недемократического режима к устойчивым демократическим институтам.

Структура работы представлена введением, тремя главами, заключением и списком использованных источников.

ГЛАВА 1. ПРЕДПОСЫЛКИ КРИЗИСА ФРАНКИСТСКОГО РЕЖИМА

1.1. Экономические и социальные изменения в Испании в 1960–1970-х гг.

Понимание процессов социально-экономической трансформации, происходивших в Испании в 1960–1970-х гг. невозможно без обращения к широкому теоретическому полю, в рамках которого анализируется феномен «авторитарной модернизации». Речь идёт о таких процессах, при которых политические диктатуры инициируют или сопровождают экономическую и социальную модернизацию — при сохранении или даже укреплении авторитарного контроля. Этот парадокс интересовал многих учёных второй половины XX века, особенно на фоне трансформаций в странах «третьего мира», Южной Европы и Латинской Америки.

Одним из первых исследователей, теоретически обосновавших связь между экономическим развитием и ослаблением авторитарного режима и как следствие переходу к демократии, был Сеймур Мартин Липсет. В своей классической работе «Political Man: the social bases of politics» он выдвинул тезис, согласно которому демократия устойчивее в экономически развитых обществах, обладающих высоким уровнем урбанизации, образованности и социальной мобильности [102, с. 216]. Согласно Липсету, между уровнем экономического развития и устойчивостью демократии существует прямая корреляция: «чем выше уровень экономического развития, тем выше вероятность демократизации» [102, с. 220].

В рамках этого подхода франкистская Испания 1960-х гг. может быть понята как пример «догоняющей» модернизации, которая, в соответствии с гипотезой Липсета, неизбежно порождает давление на авторитарную систему. Тем самым, именно успехи режима в области экономики становятся предпосылками его политической уязвимости.

Развивая эту идею, Сэмюэл Хантингтон в работе «Political order in changing societies» (1968) подверг ревизии модернизационную парадигму. Хантингтон утверждал, что «в условиях ускоренных социальных изменений авторитарные режимы могут временно обеспечивать стабильность, компенсируя слабость институтов репрессивными методами» [101, с. 317]. Однако в долгосрочной перспективе именно эти изменения подрывают легитимность режима, «главная проблема политики в развивающихся обществах — не демократия, а порядок» [101, с. 340]. Хантингтон подчёркивал, что долгосрочная стабилизация требует институционального развития, а значит, авторитарная фаза может быть только переходной.

Особое значение в контексте Испании имеет теория «бюрократического авторитаризма» Гильермо О’Доннелла, предложенная для анализа латиноамериканских режимов 1960–1970-х гг., но применимая и к Южной Европе. В работе «Modernization and bureaucratic-authoritarianism» (1973) О’Доннелл рассматривал технократически ориентированные диктатуры как форму управления, при которой экономическая модернизация осуществляется без политического участия масс. Однако при расширении образования, усилении среднего класса и развитии профсоюзной активности такая модель становится нестабильной. О’Доннелл делает акцент на несоответствии между экономической либерализацией и политическим закрытием, что в перспективе ведёт к внутреннему конфликту элит и кризису легитимности [106, с. 59].

Как показывает обращение к теоретическим моделям «авторитарной модернизации», сформулированным С.М. Липсетом, С. Хантингтоном и Г. О’Доннеллом, экономическое развитие в условиях диктатуры не является ни линейным, ни однозначным процессом. Авторитарные режимы способны инициировать масштабные преобразования, способствующие индустриализации, росту среднего класса и трансформации социальной структуры, однако одновременно стремятся сохранить политический контроль, исключая широкое участие граждан в управлении. Подобная

логика в полной мере применима к Испании времён позднего франкизма. Теоретическая перспектива позволяет более чётко интерпретировать и саму эволюцию франкистского режима, особенно в 1950–1970-х годах, когда под давлением внутренних и внешних факторов он оказался вынужденным отступить от прежней модели автаркии и приступить к экономической либерализации, не затрагивая при этом политических основ режима [82, с. 29].

С завершением гражданской войны и вплоть до конца 1950-х годов Испания придерживалась политики экономической автаркии, отражающей идеологические ориентиры фалангизма, корпоративизма и антилиберализма. Экономическая модель этого периода характеризовалась жёсткой государственной регуляцией, закрытостью для внешней торговли, директивным распределением ресурсов и стремлением к самодостаточности. Однако такая система оказалась не только неэффективной, но и разорительной. Испания столкнулась с острейшими структурными проблемами: дефицит продовольствия, крайне низкий уровень промышленного производства, массовая бедность, инфляция и отсутствие доступа к международному рынку. До 1952 года в стране сохранялась карточная система, а к 1950 году уровень ВВП на душу населения составлял менее 40% от среднего по Западной Европе [109, с.17].

Ситуация усугублялась международной изоляцией: Франкистская Испания в первые послевоенные годы оказалась вне плана Маршалла и не была включена в послевоенные экономические структуры Запада. Однако с наступлением «Холодной войны» стратегическое значение Испании стало расти. Уже в 1953 году Мадрид подписал соглашения с США о военном сотрудничестве, что стало важнейшим шагом к выходу из дипломатической изоляции [63, с. 108–118]. Взамен франкистскому режиму было предложено провести структурные реформы, направленные на стабилизацию экономики и её интеграцию в мировое хозяйство [96, с. 115–118].

Ключевым рубежом стал 1959 год, когда был принят так называемый «План экономической стабилизации». Он был разработан группой технократов, связанных с «Opus Dei», при участии специалистов МВФ и под давлением необходимости преодолеть нарастающий кризис. План предусматривал масштабную либерализацию внешней торговли, девальвацию песеты, сокращение государственного дефицита, отмену протекционистских барьеров, поощрение притока иностранных инвестиций и перестройку административной системы регулирования экономики [3]. Как подчёркивает С. Г. Пейн, именно этот момент стал водоразделом между идеологически окрашенной экономикой фалангистского образца и прагматичным курсом на развитие рыночных механизмов [107, с. 385–390].

Если реформы 1959 года лишь задали направление, то 1960-е годы стали десятилетием бурного экономического подъёма, который вошёл в историографию как «испанское чудо». Между 1961 и 1973 годами Испания демонстрировала одни из самых высоких темпов экономического роста в Европе: валовой внутренний продукт увеличивался в среднем на 6,9% в год, а промышленное производство росло в среднем на 10% ежегодно [96, с. 129]. Этот процесс сопровождался радикальной трансформацией социально-экономической структуры страны, последствия которой имели далеко идущие политические импликации.

Прежде всего, бурный рост был обусловлен ускоренной индустриализацией, притоком иностранных инвестиций, в первую очередь из стран Западной Европы и США, а также стремительным развитием туристической отрасли, ставшей ключевым источником валютных поступлений. В 1973 году Испания занимала второе место в мире по количеству иностранных туристов (около 34 миллионов в год), и четвёртое — по доходам от туризма [109, с. 22]. Эта новая экономика уже не могла быть встроена в логики идеологической автаркии, навязанной режимом в 1940-е годы, и диктовала новые формы социального поведения.

Одним из наиболее ощутимых последствий экономического чуда стала массовая урбанизация. Если в 1950 году около 60% населения Испании жило в сельской местности, то к 1975 году численность городского населения перевалила за 70% [79, с. 115]. Особенно активно росли города индустриального пояса: Барселона, Мадрид, Бильбао, Валенсия. Урбанизация сопровождалась формированием новых социальных страт — работников промышленных предприятий, строительного сектора, сферы услуг, мелких предпринимателей, управленцев и образованной молодёжи. Именно эти слои стали носителями новых ценностей, часто несовместимых с традиционализмом франкистской идеологии.

Не менее важным был поворот к обществу потребления. Рост доходов, удешевление массовых товаров (техника, автомобили, текстиль) и расширение кредитования привели к формированию новых моделей повседневной жизни. Всё больше испанцев получали доступ к телевизорам, холодильникам, легковым автомобилям (например, SEAT 600 стал символом эпохи), что сопровождалось и новым типом досуга, и новыми ожиданиями от государства. Как справедливо замечает Антонио Казорла Санчес, в 1960-е годы в Испании «появился новый гражданин: он был лучше образован, мобильнее, ориентирован на комфорт и достоинство, но не имел политических прав» [97, с. 138].

Отдельного внимания заслуживают внутренние и внешние миграции, определявшие не только демографическую, но и социокультурную карту страны. С 1960 по 1973 годы более 2,5 миллионов испанцев эмигрировали в поисках работы в Западную Европу — прежде всего в Германию, Францию и Швейцарию. Эти трудовые мигранты, как правило, происходили из наиболее бедных сельских регионов (Андалусия, Галисия, Эстремадура), и в течение нескольких лет они не только обеспечивали валютные поступления в Испанию (до 2 млрд долларов в год к началу 1970-х), но и сами подвергались влиянию более либеральных обществ [92, с.125]. Вернувшись, они становились своего рода «трансляторами» новых

культурных и политических идей. Параллельно в самой Испании происходила миграция миллионов человек в промышленные центры, что рождало новые формы социальной организации и увеличивало протестный потенциал рабочего класса.

Таким образом, экономическое чудо 1960-х годов было не просто периодом роста, но эпохой глубокого социокультурного сдвига. Общество, выросшее на руинах Гражданской войны и воспитанное в условиях франкистской пропаганды, всё менее соответствовало политическим реалиям режима. Возникла пропасть между экономической и социальной модернизацией — с одной стороны, и архаичной авторитарной моделью власти — с другой. Это противоречие невозможно было долго скрывать. Как отмечает Н. Таунсон, именно в 1960-е годы «режим начал сталкиваться с кризисом ожиданий: экономическая успешность уже не компенсировала отсутствие политических прав» [114, с. 8].

Потому именно в этот период начинают формироваться социальные силы, которые позже станут активными участниками перехода к демократии: молодёжь, студенты, независимые профсоюзы, критически мыслящие католики, интеллигенция, а также новые экономические элиты, заинтересованные в интеграции Испании в политически открытую Европу. Этот нарастающий внутренний конфликт, вызванный дисбалансом между экономикой и политикой, подготавливает почву для последующего политического кризиса, который обозначится уже в 1970-е годы, накануне смерти Франко. Таким образом, франкистский режим стал заложником собственных реформ: «его экономические успехи создали общество, которое не могло быть удержано в рамках старого порядка» [109, с. 18].

Экономическая модернизация 1960-х годов не только изменила ландшафт испанской экономики, но и инициировала масштабные социальные трансформации, чреватые политическими последствиями. Среди них особую роль сыграли три взаимосвязанных процесса: расширение доступа к образованию, ослабление традиционных институтов

(прежде всего — католической церкви и патриархальной семьи), а также проникновение элементов массовой западной культуры в повседневную жизнь испанцев. Все эти явления подрывали моральные и идеологические устои франкистского государства, базировавшегося на корпоративизме, католическом традиционализме и консервативной социальной модели.

Одним из важнейших и наиболее ощутимых последствий модернизации стало расширение системы образования. Закон об общем образовании 1970 года стал попыткой режима ответить на демографический и экономический вызов: за десятилетие школьное и университетское образование расширилось беспрецедентно [4]. Количество студентов в университетах выросло с 80 тысяч в 1960 году до более чем 300 тысяч в 1975 году [96, с. 131]. Выросло и число высших учебных заведений, особенно в провинциальных центрах. Эта образовательная экспансия имела двойственный эффект: с одной стороны, она готовила кадры для нужд экономики, с другой — способствовала формированию новой интеллектуальной среды, всё более критически настроенной по отношению к властям. Уже в конце 1960-х годов университеты становились очагами оппозиционной активности: здесь формировались левые кружки, распространялась марксистская и анархистская литература, проходили забастовки и акции протеста. Как отмечает С. М. Хенкин, «режим не смог осознать, что расширяя доступ к знаниям, он одновременно разрушал монополию на интерпретацию реальности» [87, с. 48].

Не менее заметным стало ослабление традиционных институтов, в первую очередь — католической церкви, которая ранее была одним из главных идеологических союзников режима. Несмотря на официальное господство католицизма, уже в 1960–70-е годы на фоне урбанизации и секуляризации его влияние, особенно среди молодежи и городских жителей, начало стремительно снижаться. Католическая церковь столкнулась с кризисом легитимности, усугублённым Вторым Ватиканским собором и появлением так называемого «прогрессивного католицизма»,

ориентированного на социальную справедливость и поддержку бедных [49, с. 341]. Всё чаще священники и монашествующие, особенно молодые, становились сторонниками демократизации и защищали права рабочих и студентов [73, с. 230]. По выражению историка Джулии Блэк, в этот период «вера перестала быть автоматически связана с франкизмом» [95, с. 245].

Параллельно происходило переосмысление традиционных гендерных ролей, особенно в городах. Женщины, ранее ограниченные исключительно ролью жён и матерей в рамках католического семейного идеала, получили доступ к образованию, рынку труда и независимому экономическому существованию. Возникали новые социальные модели: работающая женщина, разведённая мать, студентка-активистка. Хотя законодательные ограничения (например, невозможность открыть банковский счёт без согласия мужа) сохранялись вплоть до смерти Франко, они всё чаще вступали в противоречие с социальной реальностью. Всё это подрывало основополагающий идеологический стержень франкистской Испании — идею органического, иерархического, патриархального общества, управляемого сверху вниз.

Дополнительным фактором социальных изменений стало влияние массовой культуры, особенно через телевидение, кино, музыку и моду. С середины 1960-х годов телевидение стало важнейшим каналом массовой социализации: к 1975 году более 80% домохозяйств имели телевизор. Через экраны в дома испанцев проникали образы «другой жизни» — западной, открытой, индивидуалистической [80, с. 366–368]. Музыка «The Beatles», «The Rolling Stones», кинофильмы Франции, Италии, США, мода мини-юбок и джинсов, всё это несло ценности, прямо противоречащие идеалам франкистской морали. Как подмечает историк Стэнли Пейн, «в 1970-е годы существовал колоссальный разрыв между официальной моралью, транслируемой государством, и повседневной жизнью испанцев» [107, с. 428]. Именно этот разрыв подталкивал всё больше людей к осознанию искусственности и архаичности навязываемой идеологической системы.

Таким образом, экономическое чудо 1960-х годов сопровождалось не просто ростом благосостояния, но масштабной социальной трансформацией, которая неизбежно вступила в конфликт с политической стагнацией. Молодёжь, женщины, студенты, рабочие и католики нового типа — все эти группы уже не могли быть интегрированы в устаревшие структуры франкизма. Накапливавшееся напряжение между социальной модернизацией и политическим авторитаризмом к началу 1970-х годов достигло точки кипения, предвосхищая кризис, с которого начинается новая глава истории режима Франко.

1.2. Политическая стагнация и внутренние противоречия

Несмотря на кажущееся политическое единство и стабильность, режим Франсиско Франко к началу 1970-х годов оказался в состоянии глубокого застоя. Основой режима оставался жесткий авторитаризм, отрицающий принципы демократии, политического плюрализма и разделения властей [53]. Однако внутренняя логика франкистского государства, выстроенная вокруг фигуры единоличного лидера, к этому времени начала давать сбои. Истощение личной харизмы Франко, его преклонный возраст и неспособность предложить институциональный механизм преемственности власти стали катализаторами кризиса.

На фоне значительных экономических и социальных трансформаций, произошедших в Испании в 1960-х гг., политическая система оставалась статичной, не в силах реагировать на новые вызовы. Это породило нарастающие внутренние противоречия — как внутри самой франкистской элиты, так и между властью и обществом. По выражению Пола Престона, «режим Франко был скован своим прошлым, неспособен адаптироваться к условиям быстро меняющегося мира» [108, с. 620]. Именно это несоответствие между динамикой испанского общества и политической архаикой стало одной из ключевых причин последующего краха диктатуры.

Франкистский режим формально базировался на принципах фалангистского корпоративизма и католического традиционализма, однако по существу представлял собой персоналистскую диктатуру, целиком зависящую от фигуры Франсиско Франко [71, с. 215]. Он одновременно занимал посты главы государства, главы правительства, верховного главнокомандующего и каудильо — вождя нации [70, с. 49]. Такой концентрации власти не соответствовали никакие устойчивые институты, способные обеспечить преемственность и стабильность системы после ухода правителя.

Политический режим был юридически оформлен серией так называемых «основных законов» франкизма — от «Fuero del Trabajo» (1938) до «Ley de Sucesión en la Jefatura del Estado» (1947) и «Ley Orgánica del Estado» (1967), которая должна была стать квазиконституцией. Однако эти акты закрепляли авторитарную природу власти и не предусматривали ни реального народного представительства, ни политической конкуренции. Как подчёркивает Стэнли Пейн, «эти законы скорее служили легитимации личной власти Франко, чем созданию дееспособных институтов» [107, с. 426].

Частичный отход от жесткого монополизма выразился в принятии Закона об ассоциациях в 1967 году. Этот документ допускал существование ограниченного числа неполитических организаций при условии их лояльности к принципам «Национального движения» [7]. Хотя формально он открывал пространство для общественной инициативы, на практике его положения строго контролировались, а любые попытки создания независимых политических структур подавлялись. Таким образом, закон лишь имитировал либерализацию, не устраняя основ авторитарного контроля.

Формально существовавшие органы представительной власти — такие как «Национальное движение» и Кортесы — не обладали ни самостоятельностью, ни инициативой. Кортесы назначались сверху, и даже

после реформы 1967 г. избирались по сословно-корпоративному принципу, не отражая реальных интересов общества [54, с. 395]. Таким образом, политическая система Испании к началу 1970-х гг. представляла собой замкнутый, неспособный к саморефлексии механизм, оторванный от изменяющихся экономических и социальных реалий.

Что касается элиты, то к началу 1970-х годов она более не представляла собой монолитную структуру. Внутри неё постепенно обострялись идеологические, социальные и поколенческие противоречия, отражавшие нарастающий системный кризис [88, с. 127–128]. Режим, долгое время удерживавшийся за счёт личной власти Франко и репрессивного аппарата, начал распадаться изнутри.

Главный разлом проходил между представителями так называемого «бункера» — сторонников сохранения режима в его догматической форме — и реформистски настроенными технократами, ориентированными на осторожную либерализацию в ответ на изменившиеся социально-экономические условия [98, с. 172].

К «бункеру» относились прежде всего старые фалангисты, высокопоставленные военные, консервативные католики и представители традиционалистской интеллигенции. Эти круги категорически отвергали любые политические реформы, настаивая на сохранении «вечного франкизма» и полной лояльности к личности каудильо. Одной из ключевых фигур этого крыла был Луис Карреро Бланко — ближайший соратник Франко, глава правительства в 1973 году, открыто заявлявший о невозможности демократизации Испании [45, с. 79–106]. Он рассматривал Франко как уникального и незаменимого носителя легитимной власти и был убеждён, что после смерти диктатора система должна сохраниться в неизменном виде.

Их оппонентами стали технократы, пришедшие к власти с конца 1950-х годов при поддержке католической организации «Opus Dei». Они сыграли ключевую роль в экономических реформах и модернизации системы

государственного управления. Среди наиболее влиятельных фигур этого направления выделяются Лауреано Лопес Родо, главный разработчик «Планов экономического развития» 1960-х годов, и Грегорио Лопес Браво, министр иностранных дел Испании в 1969–1973 гг., активно продвигавший идею европейской интеграции и нормализации отношений с Западом [48, с. 85–93]. Эти деятели осознавали, что сохранение полной политической закрытости угрожает не только международной репутации Испании, но и её внутренней стабильности. Тем не менее, их проект предполагал реформу без демократии, с сохранением власти в руках элиты.

Кроме идеологических различий, в элите всё более явно проступали поколенческие противоречия. Старшее поколение — участники Гражданской войны, фронтовики, искренне преданные идеалам национал-католицизма — противостояло более молодым бюрократам и технократам, получившим образование в послевоенной Испании и ориентировавшимся на модернизацию, прагматизм и административную эффективность. Как подчёркивает Пол Престон, «разрыв между фронтовыми ветеранами и технократами стал не только административным, но и символическим маркером политического тупика режима» [75, с. 655].

Эти внутренние разногласия имели под собой и социально-структурную основу. Социальный состав франкистской верхушки в течение десятилетий заметно изменился. Если в 1940–1950-х годах элита формировалась в основном из военных, фалангистов, крупной аристократии и старой буржуазии, то с конца 1950-х годов на ключевые позиции стали продвигаться новые бюрократические и технократические кадры. Их основу составляли:

- выпускники престижных университетов и административных школ (в частности, Высшей школы государственной администрации);
- члены «Opus Dei» и католических профессиональных союзов;
- чиновники, не имевшие боевого прошлого, но обладавшие высокой управленческой компетенцией [88, с. 134–142].

Таким образом, социальная трансформация элиты сопровождалась борьбой поколений, идеологий и стратегий будущего. Старая гвардия цеплялась за политическое наследие Франко, воспринимая любые уступки как предательство. Новая элита, напротив, стремилась к осторожной модернизации, но оказалась неспособной преодолеть фундаментальную слабость системы — отсутствие институтов, способных заменить фигуру диктатора.

Особую проблему для стабильности режима составляло отсутствие легитимного и авторитетного механизма преемственности власти. Согласно Закону о преемственности 1947 года, Испания провозглашалась монархией без короля, и только в 1969 г. [6]. Франко назначил своим преемником принца Хуана Карлоса де Бурбона [8]. Назначение оформлялось отдельным актом — Законом о наследии от 22 июля 1969 года, утверждённым Кортесами. Этот закон, казалось бы, разрешал проблему преемственности, однако на практике лишь усилил внутривластные противоречия. Назначение Хуана Карлоса воспринималось многими франкистами как уступка модернизации, а представителями демократической оппозиции — как попытка сохранить старый порядок под новым фасадом.

Таким образом, к 1973 г. институциональные устои франкизма находились в состоянии очевидной эрозии. Без Франко, удерживавшего все элементы системы в единое целое, режим терял управляемость, сталкиваясь с внутренним параличом и неспособностью к модернизации. Как отмечает Пол Престон в своей фундаментальной работе, посвященной биографии Франко, «режим Франко был скован своим прошлым, поэтому неспособен адаптироваться к условиям быстро меняющегося мира» [75, с. 666].

1.3. Роль оппозиции и международных факторов в давлении на режим Ф. Франко

На протяжении первых двух десятилетий существования режима Франко испанская оппозиция оставалась разрозненной, маргинализированной и подвергалась систематическим репрессиям. Особенности франкистского государства – жесткий контроль над СМИ, запрет партий, концентрация власти – фактически исключали возможность открытой политической борьбы. Однако к 1960-м годам в условиях экономической модернизации, социальной мобильности и ослабления репрессивного нажима внутри страны начала формироваться новая структура оппозиции, более широкая по социальной базе и разветвлённая по формам действия.

Наиболее активной силой в подполье оставалась «Коммунистическая партия Испании» (PCE), возглавляемая Сантьяго Каррильо. В условиях диктатуры именно коммунисты смогли выстроить устойчивую структуру на местах, особенно в рамках Комиссий трудящихся, активно действовавших в Каталонии и Мадриде. Эти профсоюзные структуры неофициально представляли интересы рабочих, особенно в металлургии, горнодобывающей промышленности и строительстве. PCE также занималась подготовкой кадров, поддерживала контакты с эмиграцией, пользовалась авторитетом в интеллектуальной среде [107, с. 558].

Параллельно укреплялось влияние «Испанской социалистической рабочей партии» (PSOE), хотя она в тот период действовала преимущественно из-за границы — особенно из Франции, Мексики и ФРГ [39, с. 64]. Лидеры PSOE, включая Фелипе Гонсалеса, делали ставку на реформизм и сближение с западной социал-демократией. В отличие от коммунистов, социалисты стремились заручиться поддержкой большого количества слоёв населения, особенно молодежи и преподавателей университетов.

Особое значение приобрели университетские и студенческие движения, вспыхнувшие в конце 1960-х гг. в Мадриде, Барселоне и Саламанке. Именно здесь оппозиционные идеи начали обретать форму гражданского протеста — через уличные манифестации, забастовки и бойкоты лекций. Католическая церковь, прежде бывшая идеологическим союзником франкизма, начала дистанцироваться от режима. После Второго Ватиканского собора (1962–1965) многие испанские епископы и ордена — особенно в Каталонии и Стране Басков — выступили в защиту прав человека и осудили репрессии против рабочей и студенческой молодёжи [38, с 43–47].

В тени более известных коммунистических и социалистических структур действовали также представители либеральной и христианско-демократической оппозиции, ориентированные на плавный эволюционный демонтаж франкистской системы и создание парламентской монархии или умеренной республики западного типа. В отличие от марксистских сил, либералы стремились не к революции, а к институциональной реформе, сближению с Западной Европой и восстановлению политических свобод.

Одной из ключевых фигур либерального лагеря был Хоакин Руис-Хименес — бывший министр образования при Франко в 1950-х годах, впоследствии решительно порвавший с режимом. Он стал основателем журнала «Cuadernos para el Diálogo», важнейшей трибуны для умеренной антифранкистской мысли. Вокруг него группировались юристы, католические интеллектуалы, экономисты, студенты. Руис-Хименес активно участвовал в создании «Демократического совета», а затем — в формировании платформы «Izquierda Democrática», представлявшей умеренную леволиберальную позицию [110, с. 288].

Также к умеренной оппозиции можно отнести католико-либеральных юристов и бывших чиновников, выступавших за реформу изнутри системы. Именно эти деятели в 1970-е годы войдут в число авторов будущей Конституции 1978 года. Их важнейшей политической задачей было

объединение всех антифранкистских сил в умеренной форме, избежание насилия и гражданского конфликта.

Важной особенностью испанской оппозиции явилось то, что с конца 1960-х годов либеральные силы начали координироваться с социалистами и католиками в рамках новых структур, таких как «Plataforma de Convergencia Democrática» (1975) и «Junta Democrática de España», созданная по инициативе РСЕ. Впоследствии эти коалиции станут основой «Демократической координации» — широкой фронтовой платформы, призванной обеспечить бесконфликтный переход к демократии.

Что касается Каталонии и Страны Басков, то они стали своеобразными «оппозиционными лабораториями» в условиях франкистской диктатуры. Здесь сопротивление диктатуре переплеталось с борьбой за национальную и культурную идентичность. В обоих регионах с конца 1950-х годов усилились тенденции к восстановлению языков, культурных форм и традиционных институтов — несмотря на официальные запреты и цензуру [56, с. 58–61].

В Каталонии сопротивление носило преимущественно гражданский и культурный характер. Подпольные театры, каталонская пресса, литературные кружки и церковные инициативы стали платформами гражданского просвещения. Каталонская интеллигенция активно участвовала в формировании будущей либеральной альтернативы режиму. Одним из символических шагов стала активизация деятельности подпольной организации «Assemblea de Catalunya» (1971), объединившей левые, либеральные и христианско-демократические силы [89, с. 194–202].

В Стране Басков, напротив, происходила эскалация насилия. Запрет на использование баскского языка и репрессии против местной автономистской элиты способствовали росту радикализма. В 1959 году была создана ЭТА («Euskadi Ta Askatasuna» – «Страна Басков и свобода»), которая к началу 1970-х гг. превратилась в одну из самых организованных подпольных групп Европы [100, с. 91].

Несмотря на рост активности внутри страны, возможности оппозиции оставались ограниченными — режим контролировал политическую жизнь, профсоюзы, прессу и университеты, а репрессии в отношении участников подполья и студенческих выступлений носили системный характер. Именно в этих условиях особую значимость приобрела испанская политическая эмиграция, которая выступила не только как продолжатель традиций Второй республики, но и как ключевой канал связи между внутренней оппозицией и международным сообществом.

После поражения республиканцев в Гражданской войне за пределами Испании оказались десятки тысяч оппозиционеров. Основные центры политической эмиграции сложились во Франции, Мексике, Аргентине, ФРГ и Северной Африке. Здесь осели бывшие члены правительства Второй республики, представители «Испанской социалистической рабочей партии» (PSOE), «Коммунистической партии Испании» (PCE), анархисты, республиканские интеллектуалы, католики-реформисты.

В послевоенные годы испанская эмиграция активно лоббировала в международных организациях принятие резолюций, осуждающих франкистский режим. Помимо дипломатического лоббизма, эмигрантские круги развернули широкую просветительскую и информационную кампанию. Во Франции и Латинской Америке выходили газеты и журналы, критикующие Франко: «Le Combat», «España Libre», «El Socialista», «Mundo Obrero». Эти издания были связаны с партиями в подполье и распространялись среди испанских студентов, рабочих и интеллектуалов [47, с. 120–128].

С конца 1960-х годов эмигрантская оппозиция начала всё активнее налаживать связи с подпольем внутри страны. Особенно эффективными оказались контакты коммунистов под руководством Сантьяго Каррильо, находившегося в Париже, и социалистов, возглавляемых Фелипе Гонсалесом.

Именно в эмигрантской среде в 1974 году была создана «Junta Democrática de España», объединившая различные антифранкистские силы — от коммунистов до христианских демократов. В эмиграции разрабатывались и документы, которые в будущем станут идеологической и политической основой для перехода к демократии: манифесты, проекты временного правительства, программы легализации партий и профсоюзов.

При всех усилиях, влияние эмигрантской оппозиции на внутреннюю политику Испании оставалось ограниченным. Многие её лидеры были оторваны от реалий 1970-х годов, идеологически поляризованы, а их прямое политическое воздействие на массы внутри страны было слабым. Однако эмиграция играла ключевую роль в моральной делегитимации режима, обеспечивая его постоянное присутствие в повестке международной критики.

Как подчёркивает Стэнли Пейн, «если внутренняя оппозиция формировала сопротивление режиму в Испании, то эмиграция была его голосом в международном сообществе» [107, с. 588].

Что касается влияния со стороны международного сообщества, то с момента окончания Второй мировой войны франкистский режим столкнулся с резким неприятием со стороны победивших держав. Ассоциация с державами «Оси», установление диктатуры и репрессии против политических оппонентов сделали Франко неприемлемой фигурой в глазах большинства международных институтов. Давление со стороны международного сообщества, особенно ООН, Совета Европы и Европейского экономического сообщества, сыграло ключевую роль в изоляции режима и ограничении его легитимности.

Уже в 1946 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 39(I), в которой франкистский режим был охарактеризован как «режим, установленный при поддержке держав Оси» и признан не выражающим волю испанского народа. В ней государства-члены призывались к прекращению дипломатических отношений с Испанией до тех пор, пока в

стране не будут восстановлены политические свободы и демократические институты [27].

Эта резолюция стала символическим выражением моральной изоляции режима, отрезав Испанию от участия в большинстве международных форумов в конце 1940-х годов. Испания не была включена в систему послевоенного экономического восстановления («план Маршалла»), не стала участницей создания ООН и Совета Европы.

С обострением холодной войны Франко начал получать определённую международную поддержку, прежде всего от США, однако его режим так и не был принят в основные политические структуры Западной Европы. Испания не входила в Совет Европы, поскольку не соответствовала базовым критериям: разделению властей, наличию многопартийности, свободных выборов и судебной независимости.

Особенно показательным стал отказ «Европейского экономического сообщества» от политического сближения с Испанией. Хотя в 1962 году испанское правительство подало заявку на установление ассоциированных отношений с ЕЭС, в 1964 году Совет министров ЕЭС отказался её рассматривать, сославшись на несовместимость франкистского режима с демократическими нормами сообщества [36, с. 112]. Даже после начала экономического сотрудничества с рядом стран ЕЭС, политическая интеграция оставалась заблокированной.

Начиная с конца 1950-х годов, Совет Европы последовательно осуждал нарушение прав человека в Испании. Парламентская ассамблея Совета Европы выносила резолюции с требованием отмены смертной казни, легализации политических партий и освобождения политических заключённых [37, с. 63]. Особенно активным стало обсуждение «испанского вопроса» после процесса в Бургосе (1970) и смертных казней 1975 года. В этих актах международная общественность увидела не только проявление жестокости, но и признаки неспособности режима к политической эволюции.

Кроме того, европейские и международные правозащитные организации, включая «Amnesty International», начиная с 1960-х годов начали систематически публиковать отчёты о пытках, арестах без суда, ограничениях свободы выражения и собраний в Испании [24]. Это усиливало давление на правительства стран Европы, особенно Скандинавии, ФРГ, Франции и Италии, заставляя их занимать более критическую позицию в отношении франкистского режима.

На фоне критики со стороны Европы и международных организаций Соединённые Штаты занимали двойственную позицию. С одной стороны, Вашингтон рассматривал Испанию как важный геополитический актив в борьбе с коммунизмом. Подписанный в 1953 году «Мадридский пакт» предоставлял США доступ к базам в Испании и гарантировал режиму Франко финансовую помощь [51, с. 96–109]. Однако с другой стороны, американские администрации постоянно дистанцировались от идеологической поддержки режима, подчеркивая его исключительный характер. Как писал Пол Престон, «Франко был союзником Америки по нужде, но не по духу» [75, с. 661].

Во второй половине 1970-х годов, на фоне общего усиления глобального правозащитного дискурса и приближения конца жизни Франсиско Франко, международное давление на режим достигло своего апогея. Если ранее критика в основном ограничивалась дипломатическими жестами и заявлениями международных организаций, то после 1970 года она приобрела массовый, публичный и мобилизационный характер, затронув не только политиков, но и широкую общественность стран Запада.

Символом нарастающего давления стал процесс в Бургосе, начавшийся в декабре 1970 года. Военный трибунал судил шестнадцать членов баскской сепаратистской организации ЭТА, обвинённых в террористической деятельности и в убийстве полицейского. Восемь обвиняемых были приговорены к смертной казни [90, с. 72].

Стоит отметить что, реакция на приговор оказалась беспрецедентной. В Париже, Риме, Мехико, Стокгольме и других городах прошли массовые демонстрации. Европейские правительства — в том числе Франция, Бельгия, Швеция и Нидерланды — выразили официальный протест. Ватикан через кардинала Тавьяни передал Франко личное письмо с просьбой о помиловании. Совет Европы принял резолюцию с требованием отмены смертных приговоров, впервые столь открыто осудив конкретное внутреннее решение испанского суда [25].

Однако Франко был вынужден пойти на уступки: смертные приговоры были заменены на длительные сроки заключения. Однако, как справедливо подчёркивает Пол Престон, «процесс в Бургосе стал символом начала конца международной терпимости к франкистской Испании» [75, с. 680].

Критическая точка была достигнута осенью 1975 года. Несмотря на ослабление здоровья Франко и общий кризис режима, власти провели расстрел пятерых членов подпольных организаций, включая троих активистов леворадикальной FRAP («Революционного антифашистского и патриотического фронта») и двух членов ЭТА. Это произошло 27 сентября — всего за два месяца до смерти диктатора.

Последствия оказались разрушительными для внешнеполитического имиджа Испании. В Париже протестующие атаковали испанское посольство, а во многих европейских столицах прошли акции бойкота. Папа Павел VI в обращении к Франко выразил «глубочайшее разочарование» казнями [41, с. 62]. В ООН вновь поднялся вопрос о «несовместимости режима Франко с основами международного гуманитарного права» [46, с. 142].

Как пишет Джон Хупер, «в глазах мировой общественности франкистский режим окончательно превратился в анахронизм, неспособный даже к внешнему проявлению политической гибкости» [100, с. 113].

Дополнительным фактором давления стало подписанное в августе 1975 года «Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе» (СБСЕ) в Хельсинки. Заключительный акт СБСЕ закрепил международные обязательства по соблюдению прав человека, свободе передвижения, недопущению политических репрессий. Испания не была приглашена к участию, что стало сигналом: европейские государства не признают режим Франко соответствующим базовым стандартам международной легитимности.

Интересно то, что даже в США, где франкизм ранее воспринимался как геополитически полезный, начала формироваться критическая риторика в Конгрессе. Ставился вопрос о допустимости военного сотрудничества с государством, нарушающим принципы, закреплённые в Хельсинки. Поддержка Испании в Конгрессе ослабевала, особенно после выступлений сенаторов-демократов, напрямую связывавших военные казни с необходимостью приостановки помощи.

Таким образом, во второй половине 1970-х годов Франкистская Испания оказалась в полной международной изоляции, морально и дипломатически осуждённой большинством развитых государств. Публичные казни, жёсткая реакция на протесты, отказ от политических реформ при очевидной утрате управления — всё это усиливало внешнее давление, делая дальнейшее существование режима невозможным в условиях быстро меняющейся международной среды. Как подчёркивает Хавьер Тусель, «не внешняя политика свергла Франко, но именно внешний мир окончательно отверг возможность сохранения режима» [116, с. 512].

ГЛАВА 2. ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: ОТ ДИКТАТУРЫ К РЕФОРМАМ (1973–1976 ГГ.)

2.1. Покушение на Карреро Бланко. Политические последствия

Описанный в предыдущей главе политико-социальный кризис системы, выстроенной Франко на рубеже 1960–1970-х годов подготовил почву для неизбежных перемен. Однако крах режима Франко, на наш взгляд, не был результатом заранее спланированной модернизацией — скорее, это был переход, вызванный столкновением внутренних противоречий с внешними потрясениями, неожиданными и системными. Началом этой новой политической фазы стало событие, вызвавшее потрясение в самой сердцевине франкистской власти: трагедия, нарушившая тщательно выстроенный сценарий преемственности. Поэтому понимание значения такой важной фигуры как Карреро Бланко необходимо для осознания того, почему декабрь 1973 года стал переломной точкой в судьбе всей Испании в целом.

К началу 1970-х годов адмирал Луис Карреро Бланко являлся одним из наиболее влиятельных представителей франкистской элиты. Получив политическое доверие Франсиско Франко ещё в 1940-х годах, он прошёл путь от личного секретаря до вице-президента правительства, а в июне 1973 года занял пост главы совета министров — впервые в истории режима став главой исполнительной власти, независимым от формального главы государства.

Это назначение имело глубокое политическое значение. К этому моменту здоровье Франко было заметно подорвано, и, несмотря на сохранение официальных полномочий, он фактически передал повседневное управление стране своему доверенному лицу. На наш взгляд, назначение Карреро Бланко стало кульминацией попыток режима обеспечить институциональную преемственность власти, исключаящую

как революционные перемены, так и внешнее влияние на внутреннюю политику.

Карреро воспринимался как человек безоговорочной преданности идеалам франкизма. Он принадлежал к числу тех, кого историография обозначает термином «бункер» — консервативную, жестко настроенную часть правящей элиты, категорически отвергавшую как политическую либерализацию, так и сближение с Западной Европой [111, с. 270–275]. Он открыто выступал против любых форм диалога с оппозицией, легализации партий и признания гражданских свобод.

Значимую роль в его политическом мышлении играли религиозные убеждения. Карреро был тесно связан с католическим движением «*Opus Dei*», что наложило отпечаток на его представления о роли государства и морали в публичной жизни. Он рассматривал Испанию как миссионерскую державу, обязанную противостоять «моральному разложению», которое, по его мнению, несли либеральные идеи. Как отмечает Стэнли Пейн, «Карреро был не просто частью системы — он был её теоретиком, архитектором её догматического самосохранения» [107, с. 575].

Особое место в политической конструкции занимало его отношение к принцу Хуану Карлосу, которого Франко объявил наследником трона в 1969 году. Именно Карреро должен был обеспечить контроль над переходом власти в форме «монархии без демократии», при сохранении всего аппарата франкистской диктатуры. Его фигура воспринималась как политический и символический гарант того, что внешняя форма государственности может измениться, но внутренняя суть останется неизменной.

Таким образом, в политической архитектуре позднефранкистской Испании Карреро Бланко представлял центральную ось власти — не харизматического лидера, но стержень преемственности, соединяющий армию, администрацию, Церковь и монархический проект Франко.

Однако уже вскоре после его назначения главой правительства эта тщательно выстроенная конструкция столкнулась с вызовом, который

оказался для неё критическим. Событие, произошедшее утром 20 декабря 1973 года, не только потрясло элиту, но и обозначило начало фазы, в которой внутренние механизмы франкизма стали утрачивать устойчивость — сначала политически, а затем институционально.

Утром 20 декабря 1973 года в центре Мадрида, в районе Калье Клаудио Койо, прогремел мощный взрыв, разорвавший на части бронированный автомобиль марки «Dodge». В результате взрыва погибли трое человек, включая председателя правительства Луиса Карреро Бланко. Этот акт, тщательно спланированный и выполненный с технической точностью, стал одним из самых громких терактов в истории послевоенной Европы. Его автором выступила баскская организация ЭТА, которая, начиная с конца 1960-х годов, перешла к вооружённой борьбе против франкистского режима, рассматривая его как инструмент подавления национальной и культурной самобытности Страны Басков [86, с. 49].

Операция получила в самой ЭТА кодовое название «Огр», что, по словам самих организаторов, должно было символизировать «устранение монстра режима». С технической точки зрения операция поразила своей сложностью, а политически — дерзостью. Это был первый успешный акт физического устранения действующего главы правительства Испании с момента окончания Гражданской войны. Сама ЭТА позже опубликовала коммюнике, в котором утверждала, что целью покушения было не только нанесение удара по руководству, но и демонстрация уязвимости режима, который десятилетиями казался неприкосновенным [91, с. 155–157].

Стоит отметить что реакция режима оказалась нервной и раздробленной. В течение первых часов власти ввели чрезвычайные меры безопасности, были перекрыты улицы, арестованы десятки человек по подозрению в связях с баскским подпольем, организованы показательные рейды в университетах. Однако в условиях отсутствия готового кризисного сценария государственный аппарат продемонстрировал паралич воли и стратегической инициативы. Генерал Франко, к тому моменту уже

физически ослабленный, выступил с кратким и эмоционально выхолощенным обращением, в котором осудил терроризм, но не предложил внятного политического выхода из ситуации.

В течение нескольких дней была предпринята попытка продемонстрировать стабильность: на пост главы правительства был назначен Карлос Ариас Наварро, ранее занимавший должность министра внутренних дел. Его назначение воспринималось как компромисс между силовиками и умеренными технократами. Однако отсутствие харизмы, политической инициативы и стратегического плана у нового премьер-министра лишь подчёркивало вакуум власти, возникший после гибели Карреро [77, с. 325–331].

Что интересно, то кроме официальной реакции, в элите стали усиливаться страхи: если человек, окружённый охраной, и символ системы мог быть уничтожен в центре столицы, значит, что ни один институт режима более не обладает реальной неприкосновенностью. Это чувство нестабильности, ранее свойственное лишь маргинальной оппозиции, проникло и во власть. Как писал впоследствии историк Хавьер Тусель, «гибель Карреро в первую очередь разрушила ощущение незыблемости франкистской государственности» [116, с. 319].

Политический вакуум, возникший после покушения, породил волну дестабилизации внутри самой франкистской элиты. Отсутствие чётко обозначенного преемника, не обладающего ни харизмой, ни легитимностью Карреро, привело к тому, что единство властной вертикали стало быстро размываться. Возглавивший правительство Карлос Ариас Наварро, несмотря на свои попытки удержать контроль, не обладал ни доверием армии, ни поддержкой модернизаторски настроенных кругов, ни влиянием на либеральную часть монархистов. Его осторожные шаги в направлении реформ, предпринятые в 1974 году, оказались не столько проявлением политической воли, сколько вынужденной реакцией на кризис.

Что касается самих реформ, то в феврале 1974 года, выступая перед кортесами, Ариас Наварро провозгласил курс на так называемую «апертуру» — обновление системы без отказа от её франкистского фундамента. Среди объявленных мер были: частичное смягчение цензуры в рамках пересмотра Закона о печати; косметические реформы в системе профсоюзов; обещания расширить возможности публичного выражения мнений и университетской автономии; декларации о модернизации институтов, не затрагивающие сущностных механизмов власти.

На практике же это означало попытку провести либерализацию без демократизации, сохранить монополию власти при имитации обновления. Как отмечает Хавьер Тусель, эти шаги «не выходили за пределы допустимого «бункером» и лишь увеличили разочарование как у оппозиции, так и у сторонников умеренного реформизма» [116, с. 370].

Характер итогов отражает ставшее крылатым в испанской историографии выражение: — «нам велели открыться, но никого не впускать» [118, с. 189].

Таким образом, «апертура» 1974 года стала иллюстрацией стратегического тупика. Как подчёркивает Пол Престон, именно гибель Карреро стала поворотным моментом, после которого режим утратил стратегическое видение собственного будущего: «Без Карреро франкизм оказался неспособен даже формально имитировать преемственность. Он больше не мог функционировать как государственный проект, только как аппарат подавления» [75, с. 664].

Кроме того, теракт оказал психологическое воздействие на армию и государственную бюрократию, подорвав уверенность в стабильности власти. Среди генералитета усилились споры о роли военных в будущем политическом устройстве, а среди высших чиновников возникло ощущение, что реформы неизбежны, иначе их навяжут извне — в том числе через международное давление и экономические интересы.

Для оппозиции, как легальной, так и подпольной, убийство Карреро имело двойственное значение. С одной стороны, оно воспринималось как символический конец надежд на сохранение режима в неизменном виде. С другой — это не привело к немедленным уступкам со стороны власти. Тем не менее, уже в 1974–1975 годах начались первые неофициальные контакты между умеренными франкистами, либералами и социалистами. В условиях нарастающей изоляции и внутренних противоречий режим стал готовиться к тому, что его будущее после смерти Франко будет иным.

Стивен Пэйн справедливо отмечает, что «покушение на Карреро не повлекло за собой немедленного краха режима, но лишило его возможности отложить этот крах на долгие годы» [107, с. 589].

Таким образом, политические последствия покушения на Луиса Карреро Бланко оказались системными. Утрата ключевой фигуры франкистской преемственности не только ослабила текущую управляемость, но и запустила цепную реакцию внутреннего разложения режима, приведшую в конечном итоге к необходимости реформ.

2.2. Смерть Франко и приход к власти Хуана Карлоса I

К началу 1974 года физиологическое истощение Франсиско Франко стало заметным не только для ближайшего окружения, но и для политических наблюдателей за пределами Испании. Возраст Франко, которому на тот момент исполнилось 81 год, в сочетании с ухудшающимся самочувствием и прогрессирующими неврологическими нарушениями, включая болезнь Паркинсона, стал фактором, оказывающим прямое воздействие на функционирование властных структур. Хотя в публичном дискурсе официальная риторика продолжала настаивать на бодрости и ясности ума Каудильо, в кулуарах правительства и Совета Регентства обсуждался вопрос о необходимости перераспределения полномочий.

Поводом к первым официальным мерам стало ухудшение состояния Франко в июле 1974 года. В соответствии с положениями Закона об организации государства 1967 г. и Закона о наследовании верховной власти 1947 г., он передал исполнение своих обязанностей утверждённому преемнику — принцу Хуану Карлосу де Бурбону, временно наделив его полномочиями главы государства. Указ был опубликован как «Real Decreto 1974» от 30 июня 1974 г. [10]. Аналогичная процедура повторилась в октябре 1975 года: в связи с очередным тяжёлым приступом, диктатор вновь отошёл от дел, подписав «Real Decreto 2317/1975» от 30 октября 1975 г. Этот юридический механизм — как формальный акт, так и его интерпретация — сыграл ключевую роль в постепенном, но институционально корректном обособлении фигуры наследника.

Газеты «ABC» и «Ya», находившиеся под контролем Министерства информации и туризма, регулярно публиковали сводки о состоянии здоровья Франко, особенно в течение 1974–1975 годов. Однако характер этих сообщений носил исключительно официальный и обезличенный характер: использовались такие выражения, как «определённая усталость», «временное недомогание» [21], «стабильное развитие» [23], не сопровождаемые какими-либо медицинскими деталями. По сути, печатные органы отражали официальную линию режима на сокрытие реального состояния каудильо, что подтверждается исследованиями современных историков

Так, Пол Престон подчёркивает, что в последние месяцы жизни Франко испанская пресса действовала в рамках строго цензурированной коммуникации, при этом журналистам не позволялось «ни намекать на диагноз, ни использовать слова, способные вызвать тревогу» [75, с. 667]. Стэнли Пейн также указывает, что в условиях политической нестабильности «управление информацией о здоровье диктатора превратилось в инструмент поддержания видимости порядка» [107, с. 591].

Тем не менее, документы, поступавшие из официальной резиденции Франко, ясно свидетельствуют о постепенном ограничении его участия в управлении. Из мемуаров министров известно, что во второй половине 1975 года обсуждение ключевых решений всё чаще происходило без участия Франко, хотя он формально оставался верховным главнокомандующим и председателем совета. Даже назначения послов, утверждение военных контрактов и сводки по внутренней безопасности готовились в обход его подписи, а впоследствии легитимировались только постфактум [29, с. 580–620].

В этот период начали раскалываться и структуры самой франкистской элиты. Представители «бункера» — прежде всего сторонники генерала Альфонсо Переса Вианьи и ультраконсервативного крыла в армии — настаивали на неизменности курса и полной поддержке Карлоса Ариаса Наварро. В то же время технократическое и экономическое крыло, связанное с «Opus Dei» и Комиссией по развитию, всё настойчивее говорило о необходимости реальной реформы.

20 ноября 1975 года в 5:25 утра Министерство информации и туризма Испании официально объявило о смерти Франсиско Франко [9]. Медицинский бюллетень, подписанный главным врачом доктором Педро Луисом Марином и министром армии генералом Диесом Алегре, гласил: «Его превосходительство скончался от сердечно-дыхательной недостаточности, вызванной острым инфарктом миокарда и нарастающей полиорганной недостаточностью» [22].

Смерть Франко сопровождалась церемонией государственного траура, в ходе которой тело было выставлено в Дворце Ориенте, а затем перенесено в Долину Павших. Однако несмотря на масштаб официальных мероприятий, массовая общественная реакция носила удивительно сдержанный характер. Не наблюдалось ни массовых демонстраций скорби, ни всплеска эмоционального патриотизма [78, с. 58–62]. В стране не случилось ни вакуума власти, ни государственного коллапса, что лишний

раз подтвердило: франкизм в конце своего существования оказался уже не политическим движением, а формой бюрократической инерции.

Как отмечает Пол Престон, «Франко ушёл не как герой и не как мученик, а как человек, власть которого была уже давно исчерпана, хотя и сохранялась юридически» [75, с. 668].

Что касается передачи верховной власти принцу Хуану Карлосу в ноябре 1975 года, то она не была результатом революционного акта или конституционного разрыва, как это произошло, например, в Португалии или Греции, — напротив, она реализовывалась в рамках франкистского законодательства, выстроенного ещё в 1940–60-е годы. Сама структура режима предусматривала институциональную форму смены власти, оформленную в виде монархической реставрации, подчинённой идеологическим принципам франкизма.

Основой правовой конструкции стал Закон о наследовании верховной власти от 26 июля 1947 года, утвердивший Испанию как королевство без короля [6]. Этот закон (ст. 1) определял, что «Испания, как католическое, социальное и представительное государство, объявляется королевством» [6]. В статье 6 указывалось, что «Глава государства имеет право предложить преемника на троне Испании», причём с последующим утверждением Кортесами. Закон был одобрен на референдуме 6 июля 1947 года (впервые после войны) и опубликован в «Boletín Oficial del Estado» 27 июля 1947 года.

Реализация этого права состоялась 22 июля 1969 года, когда Франко внёс на рассмотрение Кортесов кандидатуру принца Хуана Карлоса де Бурбона. Важным было то, что эта кандидатура обошла его отца — дона Хуана, графа Барселонского, законного наследника династии. Закон 62/1969, утверждённый в тот же день, гласил: «принц Дон Хуан Карлос Бурбонский назван преемником королевского титула» [8].

Присяга Хуана Карлоса в 1969 году сопровождалась клятвой не Конституции (её не существовало), а идеологическим принципам режима: «Я клянусь в верности, Его Превосходительству, Главе государства и

верности Принципам национального движения и другим основным законам Королевства» [13].

Тем самым принц становился правопреемником не только юридически, но и политически — через лояльность франкистской идеологии.

После смерти Франко 20 ноября 1975 года вступил в силу механизм, предусмотренный Органическим законом государства 1967, ст. 11: «В случае смерти Главы государства полномочия переходят к утверждённому наследнику, который приносит присягу перед Кортесами» [7].

22 ноября 1975 года, в Зале пленарных заседаний Кортесов, Хуан Карлос повторил присягу, аналогичную формуле 1969 года: «Клянусь Богом и Святыми Евангелиями соблюдать и обеспечивать соблюдение основных законов Королевства и Принципов Национального движения» [14].

Что интересно, то многие историки сходятся во мнении, что риторика присяги была двойственной: для сторонников режима — подтверждение преемственности, для наблюдателей за пределами Испании — свидетельство сохранения формальности ради легитимации грядущих реформ.

Еще одним не маловажным замечанием, на наш взгляд, является то, что по сравнению с клятвой 1969 года, клятва 1975 года демонстрирует существенное изменение самой формулы присяги. Она носит более сдержанный, но символически важный характер: исключение обращения к Франко означало, что новый глава государства дистанцируется от фигуры диктатора как источника легитимности. При сохранении риторики верности принципам национального движения акцент сместился с персональной лояльности на абстрактную правовую преемственность.

Формально правопреемство происходило в рамках шести «основополагающих законов» франкизма, составлявших так называемую псевдоконституционную систему. Но, как подчёркивает Стивен Пэйн, это было «не более чем имитацией преемственности», поскольку общественно-

политические условия уже диктовали необходимость обновления [107, с. 594].

Первое выступление Хуана Карлоса как короля содержало настороженно-реформистское заявление: «Я хочу быть королем всех испанцев без исключения», — заявил он, избегая апелляций к франкистской риторике [15].

Однако с юридической точки зрения все основы франкистского государства остались нетронутыми:

- Действовали шесть «Основных законов Королевства»;
- Кортесы Испании продолжали функционировать в прежнем составе;
- Правительство возглавлял Карлос Ариас Наварро, назначенный ещё Франко;
- Институты Фаланги, вертикальные синдикаты, Совет королевства, Военный совет — функционировали без изменений;
- Государственная пресса продолжала франкистскую риторику.

Хуан Карлос не отменил ни одного декрета, не сделал ни одного резкого политического заявления. 23 ноября 1975 года, на первом заседании Совета министров, он выразил благодарность Франко и призвал «сохранять стабильность, единство и продолжать служение Испании» [15].

К тому же, сохранение Карлоса Ариаса Наварро в должности премьер-министра явилось следствием проявления осторожной линии нового монарха. Это решение вызвало смешанную реакцию так как в первые же дни после смерти Франко новый король оказался между двумя полюсами давления. С одной стороны — «бункер» (ультраконсервативные франкисты, генералы, высшая бюрократия), ожидавший сохранения режима в прежнем виде. Он требовал исключения любых попыток легализации оппозиции, отказа от амнистии и усиления роли армии в управлении. С другой стороны — оппозиция внутри страны (PCE, PSOE, демократы-республиканцы),

требовавшая амнистии, восстановления прав профсоюзов, свободы прессы и выборов.

Историк Стивен Пэйн справедливо отмечает что: «Король действовал в атмосфере высокой неопределённости. Его власть существовала, но без фактического влияния. Он был заложником «бункера» и одновременно фигурой надежды» [107, с. 595].

Что касается международной реакции, то в первые дни после смерти Франко и присяги Хуана Карлоса, реакция международного сообщества была преимущественно положительной, но сдержанной. 23–24 ноября 1975 года правительство США в лице президента Джеральда Форда и госсекретаря Генри Киссинджера выразило поддержку новой власти, одновременно выразив «надежду на демократизацию» [26].

ФРГ и Франция направили поздравительные телеграммы, в которых упоминалась «стабильность и открытость будущему» [37, с. 60–62]. Важно отметить, что ни одно западное правительство не поставило под сомнение легитимность монархии — это означало дипломатическое признание трансформации в рамках правопреемства.

Таким образом, смерть Франсиско Франко и провозглашение Хуана Карлоса I королём Испании ознаменовали собой переломный момент в истории Испании, который, тем не менее, не сопровождался резким институциональным разрывом. Передача власти была организована в строгом соответствии с правовой конструкцией франкистского государства — через законы 1947, 1967 и 1969 гг. и присягу, составленную в терминах прежней идеологии, где последняя, в свою очередь, и первые действия короля, не стали механическим продолжением франкизма, но и не означали окончательный отказ от него. Этот переходный момент представлял собой прецедент легального политического сдвига, когда новые смыслы начали формироваться в рамках старых институтов. Период ноябрь – декабрь 1975 года стал временем стратегической паузы, в которой укреплялась легитимность монарха.

2.3. Реформы Адольфо Суареса и Закон о политической реформе 1976 года

С весны 1976 года стало очевидно, что политический курс, проводимый премьер-министром Карлосом Ариасом Наварро, перестаёт устраивать как монарха, так и тех представителей элиты, кто ориентировался на мягкий демонтаж или хотя бы смягчения франкистской модели. Несмотря на формальные признаки лояльности режиму, Ариас был неспособен выработать чёткую стратегию перехода. Его политика «паралича в равновесии» не отвечала требованиям времени. Основное недовольство вызывало то, что в условиях нарастающего давления извне и растущих ожиданий внутри страны правительство продолжало действовать исключительно в рамках старых механизмов.

Ситуация обострилась после того, как король Хуан Карлос I, в нарушение негласных ожиданий «бункера», начал личные консультации с представителями умеренной оппозиции, духовенства и молодыми технократами. Внутреннее напряжение достигло пика к июню 1976 года. Итогом стала отставка Ариаса Наварро 1 июля 1976 года.

Назначение Адольфо Суареса главой правительства 3 июля 1976 года стало неожиданностью для многих. Он не был фигурой первого ряда, не возглавлял крупных фракций в Кортесах, а его политическая биография была неотделима от франкистской администрации: он занимал пост генерального директора Радио и телевидения, был вице-секретарём по «движению» [94, с. 217]. Однако именно это обстоятельство — его принадлежность к системе, но отсутствие тесной связи с её жесткой ортодоксией — сделало его кандидатуру идеальной для Хуана Карлоса. Новый король нуждался в исполнителе, способном говорить на языке старой системы, но готовом перестраивать её изнутри.

Указ о назначении Суареса формально не отличался от предыдущих актов о назначении председателей правительства, но в политическом

контексте имел принципиальное значение: впервые в истории франкистского режима человек без генералиссимуса над собой получил мандат на формирование политики. «Я полностью уверен в его способности возглавить процесс институционального обновления, которого требует страна», — отметил Хуан Карлос в закрытом письме председателю Кортесов Торкуато Фернандесу-Миранде, опубликованном в «Archivo de la Transición» [30].

Тем временем в испанской армии назначение вызвало осторожное недоверие, особенно со стороны высших офицеров, лояльных старым структурам. Однако поддержка со стороны короля и арбитраж Фернандеса-Миранды обеспечили временный баланс.

Таким образом, назначение Суареса стало политическим расчётом монарха, стремившегося не к открытому разрыву с прошлым, а к созданию гибкой, переходной конструкции. Его первоочередной задачей стала разработка законодательной схемы, открывающей путь к политическому плюрализму, не вызывая открытого сопротивления со стороны элит, армии и международных партнёров.

Сразу после назначения Адольфо Суареса на пост председателя правительства 3 июля 1976 года перед ним встала задача преодоления правового и политического тупика, унаследованного от франкистского режима. Ключевым элементом его стратегии стала амнистия для политических заключённых, что стало первым шагом к национальному примирению.

30 июля 1976 года правительство Суареса приняло Королевский декрет-закон 10/1976, предоставляющий амнистию за преступления и проступки политического характера, за исключением тех, которые повлекли за собой ущерб жизни или здоровью людей. В преамбуле декрета подчёркивалась цель «способствовать примирению всех членов нации» [11]. Это решение было воспринято как сигнал готовности к диалогу и

реформам, несмотря на критику со стороны радикальных оппозиционных групп, считавших его недостаточным.

Согласно статье 1, амнистия распространялась на действия, «произведённые из политических, идеологических, совестных или выраженных через мнение» соображений, при условии, что эти действия не привели к тяжёлым последствиям — в частности, не затронули жизнь или здоровье других лиц [11]. Это ограничение исключало из амнистии членов вооружённых подпольных групп, таких как ЭТА или FRAP, чьи действия попадали под категорию насильственных преступлений. Таким образом, акт стремился установить границу между свободой убеждений и террористической практикой, что отражало желание Суареса провести реформу без провоцирования военного или правоохранительного сопротивления.

Закон также включал положения об амнистии в отношении дисциплинарных и административных нарушений (ст. 2), бегства из мест заключения, связанных с амнистируемыми преступлениями (ст. 3), но не распространялся на клевету и оскорбления, если они были предметом частных обвинений (ст. 4), и не отменял гражданские обязательства, вытекающие из таких действий (ст. 5) [11].

Хотя декрет не устранял всех форм репрессий — в частности, он не отменял запрета на деятельность нелегальных партий и не предусматривал полной реабилитации — он стал важным политическим сигналом. По различным данным, в результате вступления закона в силу на свободу вышли около 300 человек, среди которых были профсоюзные активисты, деятели студенческого движения, представители умеренной левой оппозиции [61, с. 53]. В глазах международного сообщества это было воспринято как шаг в сторону легитимности нового правительства, а внутри страны — как приглашение к диалогу.

Тем не менее, многие радикальные оппозиционные группы, прежде всего коммунисты и автономисты, критиковали амнистию за её

половинчатость. Она не затрагивала наиболее острые темы — включая преследования времён «белого террора» периода Гражданской войны и пресечения политической активности в студенческой и профсоюзной среде в последние годы режима.

Таким образом, амнистия 1976 года стала первым публичным актом правительства Суареса, воплощавшим компромисс между реформаторской необходимостью и институциональными ограничениями. Он легализовал саму идею национального примирения — впервые за десятилетия — но в пределах, допустимых с точки зрения стабильности и управляемости процесса.

Параллельно с законодательными инициативами Суарес начал консультации с представителями оппозиции, включая социалистов, коммунистов и регионалистов. Целью этих встреч было достижение консенсуса по вопросам политической реформы и обеспечения мирного перехода к обновлённой монархии [66, с. 132–143]. Эти усилия способствовали снижению напряжённости и подготовили почву для последующих реформ, включая легализацию политических партий и проведение свободных выборов.

Одним из наиболее активных участников переговорного процесса стала «Junta Democrática de España», образованная в 1974 году по инициативе левого юриста и теоретика разрыва с франкизмом Антонио Гарсиа-Тревихано. Она объединила «Коммунистическую партию Испании», «Народную социалистическую партию» и другие организации, выступавшие за учредительное собрание, политическую амнистию и право на самоопределение. «Junta» проводила массовые мобилизации, организовывала подпольные собрания, распространяла манифесты и пользовалась поддержкой в университетской и профсоюзной среде. Несмотря на свою радикальную риторику, с лета 1976 года она начала принимать участие в неофициальных консультациях с правительственными эмиссарами, в том числе с Торкуато Фернандесом-Мирандой.

Параллельно, летом 1975 года была создана «Plataforma de Convergencia Democrática», представлявшая умеренное крыло оппозиции. В неё вошли «Испанская социалистическая рабочая партия» (PSOE), «Всеобщий союз трудящихся» (UGT), христианские демократы и ряд социал-демократических групп. В отличие от «Junta», «Plataforma» делала ставку на поэтапную легализацию, диалог с монархией и эволюционный переход. Её представители, в том числе Фелипе Гонсалес и Энрике Тьерно Гальван, активно участвовали в консультациях с правительственными посредниками, настаивая на проведении всеобщих выборов и принятии закона о реформах в рамках действующего законодательства.

26 марта 1976 года, на фоне растущего давления со стороны новых политических реальностей, «Junta Democrática» и «Plataforma de Convergencia Democrática» объединились в координационный орган под названием «Coordinación Democrática» — известный также как «Platajunta» [65, с. 35–40]. Объединённый фронт оппозиции потребовал немедленной политической амнистии, легализации всех партий, включая коммунистов, и проведения выборов в Учредительные кортесы. «Platajunta» организовывала митинги, забастовки, издавала совместные обращения и расширяла международную поддержку (особенно со стороны французской и итальянской социалистических партий).

Тем не менее, несмотря на амбициозные декларации, внутренние противоречия между более радикальными коммунистами и умеренными социалистами стали тормозящим фактором. К осени 1976 года стало очевидно, что правительство Суареса перехватывает инициативу: демократизация началась сверху, на условиях короны, а не по сценарию оппозиции. Тем не менее, деятельность «Platajunta» сыграла ключевую роль в легитимации реформ — через давление снизу, согласование требований и международную огласку происходящего.

В совокупности, деятельность этих организаций обеспечила структурированное представительство интересов оппозиции на этапе, когда официальные партии были ещё вне закона.

Не маловажным нововведением стало учреждение правительством Суареса Комиссии по законодательной координации, в которую вошли представители различных политических направлений. Задачей которой стала подготовка различных законодательных изменений, в том числе разработка проекта Закона о политической реформе, который предусматривал переход к демократической системе с двухпалатным парламентом, избираемым на основе всеобщего избирательного права.

Проект закона был представлен в Кортесы 18 ноября 1976 года. Из 531 депутата 425 проголосовали «за», 59 — «против», и 13 «воздержались» [2]. Это голосование часто называют «институциональным самоубийством» франкистских Кортесов, поскольку они проголосовали за собственное упразднение. Принятие закона стало возможным благодаря политическому мастерству Суареса, который сумел убедить умеренных франкистов в необходимости реформ для предотвращения возможных социальных потрясений.

После одобрения закона в Кортесах, он был вынесен на всенародный референдум, который состоялся 15 декабря 1976 года [33]. Вопрос, поставленный перед избирателями, звучал следующим образом: «Одобряете ли вы проект Закона о политической реформе?»

Результаты референдума были следующими:

- Зарегистрированных избирателей: 22 644 290
- Проголосовали: 17 599 562 (77,72% явка)
- «За»: 16 573 180 (94,17%)
- «Против»: 585 896 (3,33%)
- Недействительных бюллетеней: 52 823
- Пустых бюллетеней: 523 457

Такая высокая поддержка закона на референдуме продемонстрировала широкое общественное согласие с курсом на демократические реформы и легитимировала действия правительства Суареса. Что подтверждает география поддержки закона по всей стране, хотя и с некоторыми региональными вариациями.

- Андалусия: высокий уровень поддержки, с 98,16% голосов «за» и явкой 81,90%.
- Каталония: поддержка составила 97,79% при явке 74,10%.
- Страна Басков: несмотря на более низкую явку (53,86%), 96,47% проголосовали «за» реформу.
- Мадрид: поддержка составила 95,91% при явке 78,21% [31].

Эти данные свидетельствуют о том, что, несмотря на исторические и культурные различия, большинство регионов Испании выразили согласие с курсом на демократические преобразования.

Однако, справедливо обратить особое внимание на результаты в Стране Басков. Такая низкая явка объясняется сочетанием политических, исторических и культурных факторов, характерных для этого региона. Во-первых, баскское общество в значительной мере сохраняло отчуждённое отношение к испанскому государству, которое десятилетиями проводило жёсткую политику ассимиляции: под франкистским режимом баскский язык был запрещён в публичной сфере, культурные учреждения закрывались, а автономные традиции региона игнорировались. Как следствие, многие баски рассматривали предлагаемые реформы как полумеры, продиктованные Мадридом и лишённые подлинной легитимности [84, с. 124–135]. Для сторонников сильной региональной автономии или независимости сам факт того, что изменения шли «сверху», от бывших франкистов, породил скепсис и отказ от участия в голосовании.

Во-вторых, бойкот референдума активно поддерживали радикальные националистические группы, прежде всего ЭТА, считавшие переходный процесс ловушкой, призванной сохранить территориальную целостность

Испании. В регионе распространялись листовки с призывами не участвовать в голосовании, звучали угрозы в адрес сторонников реформ. В этих условиях часть населения либо не пошла на участки, либо испортила бюллетени в знак протеста. Также важно отметить, что Закон о политической реформе не предусматривал немедленного признания особого статуса Басков или федеративной модели, что усиливало разочарование [90, с. 85]. Таким образом, низкая явка в Стране Басков стала проявлением недоверия к процессу модернизации государства, который не учитывал в полной мере региональные притязания и историческую травму сообщества.

Тем не менее, столь высокая степень одобрения, зафиксированная как на национальном уровне, так и в большинстве автономных регионов, не могла быть случайной: она свидетельствовала о том, что представленный проект закона в полной мере отражал ожидания значительной части испанского общества, стремившегося к политической нормализации и переходу к демократическому устройству. Это делает необходимым детальный анализ содержания самого нормативного акта, одобренного гражданами Испании. Структура и формулировки Закона о политической реформе 1976 года представляют собой не просто свод процедурных положений, но юридически выстроенную стратегию трансформации авторитарного режима в легитимную демократическую систему. Обратимся к постатейному рассмотрению закона.

Закон состоит всего из пяти статей, трёх переходных и одной заключительной нормы, однако в нём зафиксированы основные параметры новой политической модели. В статье 1 закрепляется принцип народного суверенитета как основы демократического устройства: «Демократия основывается на народном суверенитете» [5]. Это положение фактически перечёркивало легитимность франкистской доктрины, согласно которой источник власти находился в фигуре каудильо и Национальном движении. Суверенитет отныне принадлежал народу и реализовывался через

представительные органы — Конгресс депутатов и Сенат, учреждённые статьёй 2 [5]. Последняя вводила прямые, свободные, всеобщие и тайные выборы членов Конгресса и предусматривала, что Сенат будет формироваться как через избирательные процедуры, так и частично по назначению, что отражало компромисс между новыми демократическими механизмами и прежними элитами.

Следующая статья (ст. 3) устанавливала компетенцию новых Кортесов: законодательная инициатива, функция контроля за правительством и возможность одобрения или отклонения законов [5]. Это означало отход от франкистского принципа концентрации власти в исполнительной вертикали и движение в сторону парламентской ответственности. Статья 4 закрепляла принцип преемственности правового порядка: действующее законодательство сохранялось до тех пор, пока не будет отменено, что позволяло сохранить административную стабильность в условиях политического транзита [5]. Наконец, статья 5 определяла, что окончательная легитимность закона должна быть подтверждена через всенародный референдум [5], что и было реализовано 15 декабря 1976 года при явке более 77% и результатах в 94% голосов «за».

Закон оформлялся как органический акт, юридически продолжающий франкистскую традицию, но по сути её отрицающий. В этом заключалась его особенность: трансформация была институционально санкционирована прежней системой, что позволило избежать юридического вакуума и политических потрясений. Переход осуществлялся не через революционный разрыв, а через правовой механизм «самоотмены» франкистских Кортесов. Более того, в преамбуле закона подчёркивалось, что изменения происходят в духе уважения к правопорядку, что позволило сохранить поддержку умеренных сил и обеспечить приемлемость реформ для армии и административного аппарата.

Таким образом, Закон о политической реформе 1976 года стал нормативным выражением испанской модели транзита — «согласованного

перехода». Он юридически институционализировал политический плюрализм, народный суверенитет и представительную демократию, создав правовую рамку для проведения первых свободных выборов и подготовки новой Конституции. Несмотря на формальную преемственность, по своему содержанию он стал актом глубокой политической дезинтеграции франкизма и архитектурным фундаментом будущей демократической Испании.

Не маловажна и международная реакция на итоги референдума, которая была преимущественно положительной. США, видевшие в Испании стратегического партнёра в Южной Европе и члене антисоветской коалиции в рамках НАТО, выразили осторожное одобрение: Госдепартамент отметил «позитивный шаг на пути к политической модернизации, соответствующий интересам стабильности в регионе». ФРГ также приветствовала итоги голосования, связывая демократизацию Испании с углублением европейской интеграции. Представители МИД ФРГ подчёркивали, что успешный референдум — «первый сигнал возможного вступления Испании в Европейские сообщества в будущем». Франция, имевшая сложные отношения с франкистским режимом, выразила поддержку через заявление министра иностранных дел, в котором подчёркивалась «историческая значимость голосования и решающая роль короля в мирном обновлении институтов» [37, с. 58–68]. Ватикан, несмотря на былую близость к Франко, воспринял результаты голосования как свидетельство восстановления свободы совести и гражданских прав. Папа Павел VI направил Хуану Карлосу послание, в котором приветствовал «дух единства, ответственности и надежды, проявившийся в народном голосовании» [41, с. 62].

Таким образом, политико-юридическая интерпретация референдума и реакция внешнего мира придали процессу испанской трансформации дополнительную легитимность, как внутри страны, так и на международной

арене, и стали важной основой для дальнейшего демократического институционального строительства.

Особое значение в процессе политической реформы и проведении референдума 1976 года имела позиция короля Хуана Карлоса I. Его участие в процессе реформирования системы не сводилось лишь к роли формального гаранта преемственности: именно он назначил Адольфо Суареса на пост председателя правительства, несмотря на сопротивление так называемого «бункера». Хотя сам Хуан Карлос в 1969 году дал присягу на верность принципам Национального движения, к 1975 году он осознавал невозможность сохранения системы без кардинальных перемен. По воспоминаниям ближайших советников, король рассматривал политическую реформу как способ не только легитимировать монархию, но и восстановить доверие общества к государственным институтам. Он неоднократно подчёркивал, что желает быть «королём всех испанцев», а не продолжателем диктатуры [59, с. 51–58]. В закрытых встречах с Торкуато Фернандес-Мирандой он прямо заявлял: «Без всеобщих выборов и свобод — монархия не устоит» [43].

Во время подготовки и проведения референдума король играл активную политическую роль. Он публично поддержал реформу, провёл серию встреч с представителями различных слоёв общества и использовал свой авторитет для нейтрализации давления со стороны армии и ультраконсерваторов. Более того, под его патронажем шла кампания за участие в голосовании, в которой делался акцент не на оппозиции режиму Франко, а на необходимости «обновления» и «гармонии». Такая риторика позволила удержать умеренные круги в правительстве и среди электората. Наконец, вклад Хуана Карлоса в успех реформы был не только институциональным, но и личным: он сознательно пошёл на риск, поддержав процесс, который объективно ослаблял традиционную монархическую власть, но укреплял её моральный и демократический авторитет [83, с. 72–87].

Таким образом, в условиях глубокой неопределённости и внутреннего сопротивления со стороны т.н. «бункера», выступавшего против любых уступок, — королю Хуану Карлосу и председателю правительства Адольфо Суаресу удалось добиться важной тактической победы. Благодаря политическим переговорам, осторожным уступкам и контролю над риторикой, им удалось сформировать и продвинуть реформу, минимизировав риск вооружённого или институционального саботажа. В этом успехе сказалась не только политическая гибкость Суареса, но и осознанное стремление монарха восстановить авторитет короны через опору на народную волю.

Принципиальным итогом реформы стало институциональное закрепление нового источника власти — народного суверенитета. Это было впервые прямо зафиксировано в юридическом акте общенационального значения, одобренном через референдум, что придавало переходу подлинную демократическую легитимность.

Наконец, Закон о политической реформе создал все формальные и политические предпосылки для проведения первых свободных выборов, которые были назначены на июнь 1977 года. Он обеспечил правовую основу для легализации политических партий, подготовки новых избирательных правил и начала работы по выработке текста будущей Конституции. Таким образом, 1976 год вошёл в новейшую историю Испании как год, в котором старый режим утратил контроль над будущим, а народ впервые за десятилетия получил возможность его формировать.

ГЛАВА 3. УСТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ (1977–1981 ГГ.)

3.1. Выборы в Учредительные кортесы и консолидация власти (1977 г.)

Реформы 1976 года подготовили юридическую основу для демонтажа франкистского режима, но именно выборы в «Учредительные кортесы» 15 июня 1977 года стали первым реальным актом утверждения новой политической легитимности, основанной на народном волеизъявлении. Они не только знаменовали разрыв с авторитарным наследием, но и обозначили начало институционального строительства, в рамках которого предстояло выработать принципы будущей демократической Испании. Проведение этих выборов стало возможным благодаря слаженным действиям монарха, правительства и части бывшей франкистской элиты, согласившейся на контролируемую трансформацию. Однако путь к голосованию оказался сопряжён с юридическими, политическими и социальными вызовами, требующими отдельного рассмотрения.

Закон о политической реформе, одобренный в декабре 1976 года, предусматривал проведение всеобщих парламентских выборов на основе всеобщего избирательного права, что означало необходимость срочной разработки избирательного законодательства и создания правового пространства для политического плюрализма. Основным нормативным актом стал Королевский декрет-закон № 20/1977 от 18 марта 1977 года, в котором впервые со времён Второй Республики были определены принципы формирования двухпалатного парламента на основе прямых выборов. Документ предусматривал пропорциональную систему голосования, возрастной ценз в 21 год и установление открытой партийной конкуренции [12].

Что не маловажно, то в самой преамбуле декрета-закона отмечается необходимость заменить прежнюю «сложную и устаревшую нормативную

систему», унаследованную от франкистского режима, и подчеркнута важность «всеобщего избирательного права» как основы для формирования Конгресса депутатов (350 членов) и Сената (207 сенаторов), что является очевидным признаком ориентации на институциональные преобразования [12].

Уже в статье 1 указано, что основной целью декрета-закона является правовое регулирование первых демократических выборов в соответствии с новой структурой Кортесов [12]. В статьях 2 и 3 закрепляется принцип всеобщего избирательного права [12]. К тому же статья 2 определяет, что избирательным правом обладают все граждане Испании, достигшие совершеннолетия и не лишённые гражданских прав [12]. Статья 3 дополнительно гарантирует пассивное избирательное право [12] — право быть избранным — при соблюдении тех же условий.

Декрет-закон, помимо этого, предусматривает ряд ограничений на избираемость для высших чиновников, включая министров, генералов и членов франкистского движения (статья 4) [12]. Эти меры направлены на недопущение использования административного ресурса и конфликта интересов, а также способствуют разрыву с политической структурой режима Франко. В то же время, сохранялась преемственность — например, суды и административные органы франкистской эпохи сохраняли контроль над соблюдением норм выборов, включая процедуры обжалования [12].

Важным свидетельством курса на либерализацию государства свидетельствуют элементы, обеспечивающие плюрализм. Например, в статьях 37–40 регламентировались правила ведения избирательной кампании: бесплатное эфирное время на государственном телевидении, определение мест для агитации, а также создание Комитета по надзору за кампаниями на радио и телевидении под эгидой Центральной избирательной комиссии [12]. Это стало основой демократического и конкурентного избирательного процесса.

Декрет-закон предусматривал двухпалатную структуру парламента. Конгресс формировался по провинциальным округам, а Сенат – как палата территориального представительства [12]. Это обеспечивало участие в законодательной власти как народных представителей, так и представителей регионов, что в условиях территориальной и культурной неоднородности Испании имело особое значение.

Однако декрет-закон сохранял определённую преемственность с действующей системой: например, в переходных положениях указывалось, что Центральная избирательная комиссия и её органы будут действовать до завершения переходного периода, несмотря на то что члены этих органов были назначены ещё при прежнем режиме [12]. Также вводились ограничения для членов франкистского движения в части выдвижения и избрания, что показывало попытку сдержанного, но всё же решительного обновления политической системы.

Таким образом, Королевский декрет-закон 20/1977 стал нормативным инструментом, с помощью которого режим осуществил контролируемый переход к демократии. В нём сочетались меры по недопущению возврата к авторитаризму и гарантии порядка, столь необходимого в условиях перехода. Впервые со времён Второй Республики испанцы получили возможность выбирать национальное представительство на основе всеобщего, свободного и равного голосования. Закон не только урегулировал избирательную процедуру, но и стал основой новой легитимности власти, отражающей волю народа, а не назначение сверху.

Ключевым шагом на пути к демократическим выборам стала легализация политических партий, ранее запрещённых при франкистском режиме. Указ о праве на политические объединения был подписан ещё в январе 1977 года, но только 9 апреля правительство официально допустило к легальному политическому полю «Коммунистическую партию Испании» — шаг, вызвавший резкую критику со стороны военных и правых кругов,

но получивший поддержку со стороны умеренной оппозиции и международных наблюдателей [58, с. 43–46].

В политическом контексте подготовка к выборам сопровождалась попытками Суареса создать широкую центристскую коалицию, способную удержать равновесие между стремлением к переменам и страхом перед резким разрывом с прошлым. Так возник «Союз демократического центра» (UCD) — политический альянс, не имевший единой партийной структуры, но объединявший реформаторски настроенные силы. Цель создания UCD заключалась в том, чтобы предложить электорату путь реформ без конфликта, в рамках законности и без угрозы «революционного» сценария.

Однако реальная угроза стабильности сохранялась. Организация ЭТА, радикальные автономисты в Каталонии и ультраправые организации продолжали совершать теракты и подстрекать к бойкоту выборов. Особенно остро стоял вопрос о контроле над армией, значительная часть которой сохраняла верность прежнему режиму и рассматривала легализацию коммунистов как предательство. Именно в этот период возрастает роль короля Хуана Карлоса I как арбитра и гаранта стабильности: он проводит закрытые встречи с генералами, участвует в переговорах с оппозицией, демонстрируя, что монархия — не преграда, а гарантия перехода [115, с. 87–93].

Таким образом, процесс подготовки к первым в истории современной Испании всеобщим выборам стал не просто вопросом законодательства, но актом политического баланса. Его успешная реализация оказалась возможной благодаря способности короны и правительства встроить реформу в существующий правовой порядок, одновременно размывая основы старой системы. Выборы 1977 года должны были стать не только символом перемен, но и проверкой прочности сложившегося политического консенсуса.

Впервые с 1936 года к участию в выборах были допущены многопартийные силы. Всего в кампании участвовало более 40 партий и

коалиций, но политическая конкуренция фактически велась между четырьмя основными блоками.

«Союз демократического центра» (UCD) представлял собой политический альянс, сформированный непосредственно перед выборами по инициативе премьер-министра Адольфо Суареса. Это была коалиция реформаторских, либерально-консервативных, христианско-демократических и социально-либеральных групп. Важнейшей задачей UCD, как было сказано ранее, было предложить избирателю путь к демократии, не сопряжённый с резкими конфликтами или реваншизмом. Программа партии базировалась на идее «эволюционной демократии», включала защиту индивидуальных прав, рыночной экономики, децентрализацию власти и постепенное введение автономий [20]. Кампания UCD делала акцент на единстве Испании, правопорядке и ответственности за стабильный переход. Персонафикация блока в лице Суареса обеспечивала ему авторитет как архитектора реформ.

«Испанская социалистическая рабочая партия» (PSOE) под руководством молодого лидера Фелипе Гонсалеса позиционировала себя как современная европейская социал-демократическая сила, дистанцирующаяся как от марксистского радикализма, так и от компромиссов с франкистами. Основу предвыборной платформы составляли идеи социальной справедливости, трудовых прав, реформ образования и здравоохранения, а также признания культурных прав регионов. Важным пунктом программы была конституционная реформа, включающая децентрализацию и федералистские элементы [19]. Гонсалес демонстрировал стратегическую сдержанность и модернизацию имиджа партии, что помогло PSOE занять позицию главной оппозиционной силы.

«Коммунистическая партия Испании» (PCE), легализованная всего за два месяца до выборов, шла на выборы под руководством Сантьяго Каррильо, который стремился представить партию как конструктивного участника демократического процесса. Программа включала отказ от

диктатуры пролетариата, признание монархии как временной формы управления и поддержку парламентской демократии. РСЕ делала упор на защите прав трудящихся, укреплении профсоюзов, установлении социального контроля над стратегическими секторами экономики, а также легализации забастовок и прав на ассоциации. Особое внимание уделялось примирению и «национальному согласию», что выражалось даже в символическом отказе Каррильо от ношения красной звезды в пользу испанского флага [18].

«Народный альянс» (АР), возглавляемый бывшим министром Франко Мануэлем Фрагой Ирибарне, представлял собой правоконсервативную силу, ориентированную на сохранение элементов традиционной испанской идентичности и порядка. Программа АР включала защиту единства Испании, центральной власти, католических ценностей и принципа «порядок прежде перемен». АР выступала за медленные реформы, жёсткую борьбу с сепаратизмом и терроризмом, защиту прав собственности и умеренную экономическую либерализацию [16]. В условиях перехода партия воспринималась как выражение интересов части бывших франкистов, не принявших реформ Суареса, но формально поддерживавших демократическую процедуру.

Характер избирательной системы, применённой на выборах 15 июня 1977 года, во многом определил как результаты голосования, так и восприятие их легитимности со стороны общества. Формат выборов предусматривал пропорциональное представительство с закрытыми списками в многомандатных округах, границы которых совпадали с провинциями — всего их насчитывалось 52. Каждая провинция имела гарантированную базовую квоту в два мандата, а оставшиеся места распределялись в зависимости от численности населения, что обеспечивало определённый баланс между принципом «один человек — один голос» и необходимостью территориального представительства.

Всего разыгрывалось 350 мест в Конгрессе депутатов, и 207 — в Сенате. Конгресс избирался напрямую, а Сенат — по смешанной схеме: часть сенаторов избиралась на провинциальной основе, часть назначалась королём по предложению правительства, что обеспечивало переходный характер верхней палаты и сохраняло влияние монархии в системе власти. В результате избирательной формулы, основанной на модифицированном методе Д'Ондта, партия, набравшая относительное большинство в округе, получала заметное преимущество при распределении мандатов, что сыграло на руку UCD.

Одним из важнейших индикаторов успеха политического перехода стало высокое участие граждан в голосовании. Согласно официальным данным Министерства внутренних дел Испании, в выборах приняли участие 77,2% зарегистрированных избирателей — приблизительно 18,6 миллионов человек из 24 миллионов, имеющих право голоса [17]. Такая высокая явка после десятилетий политической апатии и авторитарного подавления указывает на существенный рост доверия к новым институтам и желание граждан участвовать в формировании будущего страны. Особенно активно голосовали в крупнейших промышленных регионах (Мадрид, Барселона, Бильбао, Севилья), а также в автономистских зонах, таких как Каталония и Страна Басков, что отражало стремление регионов заявить о своём месте в новой Испании.

Невозможно не отметить, что сами выборы, несмотря на политическое разнообразие и напряжённую атмосферу, прошли в целом спокойно, без серьёзных инцидентов. Это свидетельствовало о том, что основные политические силы приняли общую рамку перехода, а общество было готово поддержать процесс мирной трансформации.

Результаты выборов в Учредительные кортесы 15 июня 1977 года во многом подтвердили корректность политической стратегии, реализованной королём Хуаном Карлосом I и главой правительства Адольфо Суаресом: опора на умеренность, отказ от политических чисток и ставка на «переход

без мести» оказались востребованными в испанском обществе. Победу в выборах одержал «Союз демократического центра» (UCD), получивший 34,4% голосов и 166 мест в Конгрессе депутатов [17]. Хотя альянс не добрал до абсолютного большинства (176 мандатов), он стал главной силой Учредительных кортесов, получив тем самым мандат на управление страной в переходный период.

Стратегия Суареса, ориентированная на интеграцию центристских и реформаторских кругов без резкого разрыва с прошлым, позволила UCD позиционировать себя как «национальный центр», способный объединить как бывших франкистов, так и умеренную оппозицию. Победа этой коалиции засвидетельствовала готовность общества к эволюционной трансформации, а не к радикальному пересмотру основ государственности. Именно в рамках такого «центристского пути» был заложен фундамент будущего политического консенсуса, на котором в последующие годы строился испанский демократический строй.

Не менее показательной стала расстановка остальных сил. Второе место по количеству мандатов заняла «Испанская социалистическая рабочая партия» (PSOE) — 118 мест, что стало неожиданным результатом, учитывая молодость её лидера Фелипе Гонсалеса и недавнюю легализацию. Успех социалистов отразил значительное присутствие социально ориентированного электората, особенно в промышленных регионах и среди молодёжи. Третье место досталось «Коммунистической партии Испании» (PCE) — 20 мандатов, что в глазах международных наблюдателей и испанской элиты интерпретировалось как подтверждение того, что радикальные левые готовы действовать в рамках демократической системы [17]. Факт парламентского присутствия КПИ стал важным символом: от сопротивления диктатуре страна перешла к признанному политическому плюрализму.

Вместе с тем, низкие результаты «Народного альянса» (AP) Мануэля Фраги, получившего 16 мандатов, показали, что попытка сохранить

авторитарную риторику в новых условиях не нашла широкой поддержки [17]. Это служило ещё одним сигналом о том, что запрос на стабильность не был тождественен ностальгии по франкистскому порядку — напротив, он заключался в ожидании перемен без разрушений.

После оглашения результатов выборов 15 июня 1977 года и подтверждения победы «Союза демократического центра» (UCD) король Хуан Карлос I вновь поручил Адольфо Суаресу сформировать переходное правительство. Несмотря на отсутствие у UCD абсолютного большинства, политический капитал Суареса, его роль в реформах 1976 года и поддержка со стороны монарха сделали его фигуру символом стабильности и доверия. Новый кабинет, приведённый к присяге 5 июля 1977 года, стал первым демократически легитимированным правительством в Испании с 1936 года.

Политическая конфигурация кортесов требовала от Суареса гибкости и открытости к переговорам. Впервые за десятилетия в парламенте оказались представители разных идеологических направлений — от центристов и социалистов до коммунистов и регионалистов. Это означало, что процесс реформ больше не мог быть односторонним: правительство было вынуждено действовать в режиме широкого диалога. Уже в июле Суарес начал консультации с лидерами PSOE, PCE и каталонских националистов, поставив цель — подготовить проект новой демократической Конституции, которая должна была закрепить основы политической системы на долгосрочную перспективу [113, с. 172–194].

Одновременно активизировалась деятельность профсоюзов, ранее маргинализированных или заменённых вертикальными структурами Национального движения. После выборов началась регистрация независимых трудовых объединений, включая профсоюзные платформы, близкие к социалистам и коммунистам. Были также сняты ограничения с СМИ, включая цензуру в прессе и контроль над содержанием радио- и телепередач. Этим шагам предшествовали консультации с представителями

ведущих политических сил и редакторами крупнейших изданий, что подчёркивало стремление к институциональному плюрализму.

Особое внимание правительство уделяло вопросу территориального устройства. Выборы активизировали региональные элиты, особенно в Каталонии и Стране Басков, и процесс восстановления автономий стал важным элементом политической повестки [67, с. 135–143]. Уже в сентябре 1977 года был подписан королевский декрет о временном восстановлении Женералитета Каталонии и возвращении в страну президента Жозепа Тарраделласа — шаг, имевший огромное символическое и политическое значение [64, с. 43–50].

Характерной особенностью испанского перехода стала иная, по сравнению с Восточной Европой, логика обращения с наследием диктатуры. Был выбран путь отказа от люстраций и судебных преследований франкистских кадров. Этот подход, вытекавший из концепции «национального примирения», позволил избежать радикализации и удержать в переходной системе кадры, необходимые для обеспечения её функционирования — особенно в судебной, административной и военной сферах.

Наконец, процесс перехода радикально переопределил роль монархии. Хуан Карлос I, ранее рассматривавшийся как преемник Франко и гарант «органического порядка», сумел трансформироваться в арбитра и гаранта демократической легитимности. После выборов он дистанцировался от активного политического управления, отдавая приоритет парламенту и правительству. В то же время, его участие в ключевых переговорах, подписание важнейших нормативных актов и поддержка переговоров с регионами свидетельствовали о новой модели монархии: конституционной, символической, но политически активной в момент кризиса [85, с. 82–97].

Таким образом, выборы июня 1977 года не только зафиксировали окончательный разрыв с политической структурой франкизма, но и создали

прочную основу для построения демократической Испании на принципах консенсуса, инклюзии и институциональной преемственности.

3.2. Принятие Конституции 1978 г. Парламентские выборы 1979

г.

Период между выборами 1977 года и весной 1979 года стал временем оформления испанской демократии в полноценную политико-правовую систему. Если выборы в Учредительные кортесы означали переход от режима к процессу, то принятие Конституции 1978 года стало формальным завершением этого перехода. Новый Основной закон закреплял принципы народного суверенитета, парламентской монархии, политического плюрализма и автономного устройства, знаменуя собой не просто смену юридической формы, но институциональное переформатирование всей государственности. За этой трансформацией стоял процесс сложнейших политических переговоров, компромиссов и согласований, в ходе которого участники транзита — от правых консерваторов до бывших оппозиционеров — коллективно сконструировали правовую модель нового государства.

Проектирование новой Конституции началось в середине 1977 года с создания Конституционной комиссии Конгресса депутатов, в которую вошли представители всех основных политических партий. Центральную роль в подготовке текста сыграли так называемые «семеро отцов Конституции» — депутаты от UCD (Gabriel Cisneros, Miguel Herrero y Rodríguez de Miñón, José Pedro Pérez-Llorca), PSOE (Gregorio Peces-Barba), PCE (Jordi Solé Tura), AP (Manuel Fraga), и националистов (Miquel Roca) [81, с. 19–26]. Это уникальное по составу и духу сотрудничество стало воплощением испанской модели транзита — согласованного перехода к демократии.

Работа над текстом велась с весны 1978 года в условиях институционального давления: армия сохраняла настороженность, радикальные автономисты усиливали протестную активность, а в обществе росло беспокойство из-за социально-экономических трудностей [99, с. 182–185]. Тем не менее, основные принципы Конституции постепенно формировались на основе институционального компромисса. Проект Конституции предусматривал сохранение монархии, как символа единства и преемственности, но с чётким ограничением полномочий. Парламент объявлялся источником законодательной власти, а правительство — ответственным перед Конгрессом. Одновременно обсуждались положения о роли армии, королевской семьи, церкви и партийной системы, что требовало учёта интересов консервативного электората.

Одним из ключевых и наиболее острых вопросов стал автономный статус регионов. В результате компромисса была зафиксирована формула «наций и регионов», что открыло путь к «гибкому федерализму» — системе, допускавшей асимметричную децентрализацию [69, с. 380]. Это позволило Каталонии и Стране Басков начать процесс конституционного утверждения своей автономии, не разрушая целостности государства. Переговоры с представителями Каталонии и Страны Басков, в частности с Жозепом Тарраделласом, стали частью стратегии успокоения региональных напряжённостей.

Проект Конституции прошёл обсуждение и одобрение в обеих палатах парламента в октябре–ноябре 1978 года. После этого был вынесен на всенародный референдум, назначенный на 6 декабря того же года. Так завершался важнейший этап переходного периода — процесс, в котором старая система была не разрушена, а преобразована в рамках правового порядка, с участием и согласием большинства легальных политических сил.

После утверждения текста Конституции обеими палатами парламента в октябре 1978 года документ был вынесен на всенародное голосование, назначенное на 6 декабря 1978 года. Согласно Королевскому указу от 27

октября 1978 года, референдум имел консультативный, но политически обязывающий характер и должен был подтвердить волю народа на завершение перехода к демократическому устройству [55, с. 23].

Вопрос, вынесенный на голосование, был сформулирован следующим образом: «Одобрите ли вы проект Конституции» [32]?

Согласно официальным данным, опубликованным Центральной избирательной комиссией, результаты были следующими:

- Зарегистрировано избирателей: 26 632 180
- Проголосовали: 17 873 301 (67,11%)
- «За»: 15 706 078 (91,81%)
- «Против»: 1 400 505 (8,19%)
- Недействительных бюллетеней: 161 096
- Пустых бюллетеней: 605 732

Распределение голосов по регионам выявило как общенациональную поддержку Конституции, так и специфические политические и культурные различия между территориями. Особенно высокой была поддержка в Андалусии (94,9% «за»), Мурсии (94,5%), Валенсии (94,1%), Кастилии и Леоне, а также Мадриде. В то же время наименьшая явка и более заметное число голосов «против» были зафиксированы в Стране Басков (явка — 44,7%, «за» — 69,1%) и Каталонии (явка — 67,9%, «за» — 90,5%). Эти результаты отражали региональные колебания доверия к центральной власти и ожидания от будущей автономной реформы [32].

В Стране Басков значительная часть радикальных националистических организаций призывала к бойкоту референдума, что отразилось в рекордно низкой явке. Противники нового закона указывали на недостаточную гарантию федерализма и сохранение единой испанской идентичности, зафиксированной во 2 статье Конституции [76, с. 55–59]. Каталония, напротив, хотя и проявила отдельные очаги недоверия, в целом поддержала новый порядок, особенно после возвращения Жозепа Тарраделласа и признания временной Женералитета.

Таким образом, референдум стал кульминацией процесса «перехода с согласием» и подтвердил легитимность Конституции как плода согласия, а не навязанной воли. Несмотря на региональные особенности, результаты голосования продемонстрировали высокий уровень общественного консенсуса, позволив закрепить в правовом поле итоги политической трансформации, начатой в 1976 году.

Одобрённая на референдуме 6 декабря 1978 года и вступившая в силу 29 декабря того же года Конституция Испании стала основополагающим юридическим актом нового демократического режима. В отличие от франкистских «органических законов», она была продуктом широкой парламентской и общественной дискуссии, носила учредительный характер и закрепляла целостную модель современного правового государства.

Конституция состоит из преамбулы, 169 статей, распределённых по 11 разделам, а также дополнительных, переходных и заключительных положений. Уже в первых статьях Конституции закреплены основные политико-правовые принципы, служащие фундаментом для всей новой системы:

- Статья 1 провозглашает Испанию «социальным и демократическим правовым государством», основанным на принципах свободы, справедливости, равенства и политического плюрализма. Эти четыре элемента, введённые в правовой дискурс после почти четырёх десятилетий авторитарного правления, имели не декларативный, а программно-учредительный характер, отражая не только намерение, но и нормативную перестройку всей структуры власти [1].

- Статья 1.2 указывает, что «суверенитет принадлежит народу, от имени которого исходят полномочия государства». Это положение прямо противопоставлялось идее «органической демократии» франкизма, в которой суверенитет интерпретировался как производное от исторической миссии нации и роли каудильо [1].

- Статья 1.3 устанавливает форму правления — парламентская монархия, сохранившая династию Бурбонов, но существенно сократившая её полномочия. Таким образом, Конституция вводила символическую монархию как элемент преемственности, лишённый реальных рычагов управления [1].

- Статья 2, как уже отмечалось, вводит парадоксальную, но согласованную конструкцию: признание «неразделимого единства испанской нации» с одновременным «признанием и гарантией права на автономию национальностей и регионов». Этим закреплялась формула двойственной идентичности, отражающая конфликт между историческим централизмом и региональными притязаниями. При этом территориальная целостность была поставлена выше автономных требований — это обеспечивало стабильность и устраняло угрозу федерализации [1].

- Статья 3 вводит модель официального билингвизма: кастильский язык признаётся обязательным, а другие языки — официальными в соответствующих автономиях. Это положение стало ключом к конституционной реабилитации каталонского, баскского и галисийского языков, прежде репрессированных и исключённых из сферы образования и публичной жизни [1].

- Статья 6 закрепляет институт политических партий как «инструмент выражения политического плюрализма» и субъектов демократического участия. В условиях монопартийного прошлого это положение играло фундаментальную роль в институционализации многопартийной системы, служившей условием парламентской демократии [1].

- Статья 7 аналогично закрепляет право на создание профсоюзов и ассоциаций работодателей — тем самым оформляя социальный диалог как часть демократической модели [1].

- Статья 9 фиксирует обязанность всех государственных органов соблюдать Конституцию и правопорядок, а также содействовать

устранению препятствий к равенству и социальной справедливости [1]. В этом смысле Конституция закладывает основополагающий принцип социального правового государства, где государственные функции не сводятся к охране порядка, но включают активную политику защиты уязвимых групп.

Эти первые статьи выполняют учредительную функцию: они обозначают целевые ориентиры, на которых строится вся правовая архитектура демократической Испании. Именно здесь проявляется специфика перехода — отказ от радикального разрыва с прошлым в пользу юридической эволюции, в которой новая система обретает силу через консенсус, а не через демонтаж старого порядка [35, с. 113–117].

Что касается содержания разделов, то Раздел I Конституции (статьи 10–55) — это наиболее насыщенный по содержанию блок, который представляет собой исчерпывающий список гражданских, политических, социальных и экономических прав [1]. Этот раздел выстраивается по модели международных пактов ООН о правах человека 1966 года и Европейской конвенции о защите прав человека (1950 г.).

Раздел II (ст. 56–65) посвящён монархии. Король остаётся символом государства, арбитром и носителем единства. Его полномочия строго ограничены: назначение премьер-министра, подписание законов и издание указов осуществляется с контрасигнатурой (подписью) главы правительства [1]. Это закрепляет модель парламентской монархии, где реальная власть принадлежит избранным органам.

Раздел III (ст. 66–96) описывает структуру Генеральных кортесов — двухпалатного парламента (Конгресс и Сенат). Закрепляется принцип верховенства Конгресса, который утверждает законы, бюджет и контролирует правительство. Сенат же представляет автономные сообщества, отражая территориальную структуру государства [1].

Раздел IV определяет функции правительства как органа, осуществляющего внутреннюю и внешнюю политику. Премьер-министр

избирается Конгрессом по предложению короля и несёт ответственность перед парламентом [1].

Раздел V устанавливает соотношение между правительством и Кортесами: вводится принцип взаимной ответственности, закрепляется возможность вотума недоверия и роспуска парламента [1]. Всё это оформляет систему парламентского контроля, невозможную при авторитарном режиме Франко.

Раздел VIII (ст. 137–158) предлагает механизм асимметричной децентрализации, позволивший Стране Басков и Каталонии добиться высокой степени автономии, при сохранении целостности государства [1].

Раздел IX (ст. 117–165) устанавливает независимость судебной власти и создание Конституционного суда как важнейшего гаранта верховенства Конституции [1].

Таким образом, внутреннее устройство Конституции 1978 года отражает не только принцип разделения властей, но и модель правового государства, которое ориентировано на защиту прав личности, баланс между центром и регионами, а также институциональную стабильность.

Принятие Конституции 1978 года ознаменовало завершение этапа учредительных реформ и переход Испании к стабильной правовой системе, основанной на принципах народного суверенитета, разделения властей и территориального плюрализма. Однако для полной консолидации демократии необходимо было не только формально закрепить её принципы, но и подтвердить их в рамках регулярной электоральной процедуры. Такой проверкой стали парламентские выборы 1 марта 1979 года — первые, проведённые после вступления в силу Конституции и призванные наполнить её положения действующими институтами.

Выборы проходили в условиях относительной политической стабилизации, но на фоне сохраняющегося давления со стороны радикальных автономистов, экономической стагнации и роста протестных настроений среди молодёжи и профсоюзов. Тем не менее, участие в них

приняло высокое число избирателей — явка составила 68% (по данным Министерства внутренних дел Испании), что подтвердило доверие граждан к легитимности новой системы [61, с. 13].

Результаты выборов:

- «Союз демократического центра» (UCD) под руководством Адольфо Суареса сохранил лидерство, получив 168 мандатов — практически повторив результат 1977 года. Это укрепило позицию Суареса как архитектора перехода и позволило ему сформировать новое правительство без необходимости коалиций с радикальными силами.

- «Испанская социалистическая рабочая партия» (PSOE) под руководством Фелипе Гонсалеса также подтвердила статус главной оппозиционной силы, получив 121 мандат. Однако партия по-прежнему воспринималась как слишком «левая» для большинства умеренных избирателей, особенно на фоне нерешённого вопроса о её официальном отказе от марксизма.

- «Коммунистическая партия Испании» (PCE) заняла третье место, получив 23 мандата, что отразило ограниченность электоральной базы и трудности в адаптации к новой политической культуре.

- «Демократическая коалиция» (CD) Мануэля Фраги укрепила позиции на правом фланге, получив 9 мандатов, но оставалась политической маргиналией по сравнению с центристами UCD.

- Впервые более заметно проявились регионалистские и националистические партии, такие как «Конвергенция и Союз» (CiU) и «Баскская националистическая партия» (PNV), получившие суммарно свыше 20 мандатов [104, с. 6–9]. Это подтвердило актуальность территориального вопроса и необходимость ускоренной разработки автономных статутов.

Таким образом, выборы 1979 года показали устойчивость модели, зафиксированной в Конституции, и подтвердили, что электоральный процесс стал неотъемлемой частью новой политической культуры. Переход

от режима к демократии завершился переходом от временных институтов к стабильным, функционирующим в рамках единого правового поля.

Система, сформированная в результате выборов, позволила Адольфо Суаресу приступить к следующему этапу — разработке региональных автономий, укреплению парламентского механизма и подготовке пакета социально-экономических реформ, направленных на стабилизацию экономики и снижение протестного давления. Успех этих выборов ознаменовал превращение конституционных норм в повседневную политическую практику.

3.3. Попытка военного переворота 23 февраля 1981 года и окончательная легитимация демократии

К началу 1980-х гг. испанская политическая система находилась в состоянии противоречивого равновесия. С одной стороны, были достигнуты беспрецедентные успехи: принята Конституция, утверждён новый парламент, сформированы органы автономного самоуправления, проведены демократические выборы, началось закрепление системы гражданских прав и свобод. С другой стороны, общественно-политическая структура оставалась крайне хрупкой.

Экономические трудности, растущая безработица, инфляция, медленный темп социальных реформ, давление со стороны радикальных автономистских движений, а также внутренние конфликты в правящей коалиции ослабляли исполнительную власть. Политические партии испытывали кризис доверия, а механизмы парламентского управления ещё не приобрели устойчивости. На этом фоне усиливались ностальгические настроения в части государственного аппарата, прежде всего в силовых структурах, испытывавших растущую фрустрацию от ограничений новой системы [79, с. 213–231].

Особенно остро ситуация воспринималась среди представителей военной среды, оказавшихся в положении молчаливых наблюдателей перехода, чьи ценности и позиции в обществе подверглись сомнению. Обострение обстановки в Стране Басков, рост числа терактов со стороны ЭТА, а также слабая координация между гражданскими и военными властями создавали атмосферу тревоги и неопределённости.

Поэтому второе правление Адольфо Суареса должно было стать этапом нормализации политической системы. Однако уже вскоре стало очевидно, что правительство столкнулось с качественно новыми вызовами, требовавшими гораздо большей согласованности, чем в фазе перехода. Если 1976–1978 годы были временем учредительного консенсуса, то период 1979–1981 стал временем управленческой перегрузки и фрагментации.

Во-первых, UCD оказался глубоко разнородной политической структурой. Изначально созданная как коалиция центристских и умеренно-консервативных сил, партия начала испытывать внутреннюю эрозию: в ней нарастали идеологические разногласия между христианскими демократами, либералами, бывшими франкистами и технократами [68, с. 98–110]. Постепенно Суарес терял поддержку не только у союзников, но и в собственной фракции. Начались кадровые перестановки, участились конфликты между министрами.

Во-вторых, правительство сталкивалось с растущим социальным и экономическим давлением. Испанию охватил экономический спад: уровень безработицы к 1980 году превысил 15%, инфляция достигала 16–17%, внешняя задолженность росла [72, с. 312]. В этих условиях усилилось давление со стороны профсоюзов и левых сил, требовавших активной социальной политики. Однако Суарес, стараясь соблюдать баланс между различными слоями общества, оказался лишён манёвра — любое решение влекло за собой потерю поддержки той или иной группы.

В-третьих, в повестке остро стоял вопрос автономий. После принятия Конституции началась разработка статутов автономий для Страны Басков,

Каталонии, Галисии и Андалусии. Переговоры проходили тяжело, особенно на фоне эскалации насилия в Стране Басков. ЭТА, не признавая легитимность испанского государства, развязала серию терактов против представителей властей и армейского командования. В 1980 году организация совершила более 90 атак, убив более 120 человек [91, с. 155–163]. Армейские круги воспринимали такую ситуацию как доказательство слабости гражданской власти, а сам процесс автономизации — как прямую угрозу национальному единству.

В-четвёртых, после 1979 года в Испании началась системная критика роли монархии и премьер-министра. В глазах части военных и чиновников Суарес был «слабым политиком», уступающим давлению левых и националистов. В правом лагере усиливались слухи о необходимости «правительства национального спасения», в армии распространялись листовки и публикации с призывами к «восстановлению порядка» [117, с. 512–533].

На фоне этих процессов 29 января 1981 года Суарес неожиданно объявил о добровольной отставке с поста председателя правительства. В своём телеобращении он заявил, что не хочет быть «препятствием на пути к будущему», оставив интерпретацию причин открытой [105, с. 413]. На практике же отставка означала серьёзную институциональную нестабильность: она произошла без предварительных договорённостей, в момент, когда коалиция UCD находилась в глубоком кризисе, а потенциальный преемник — в процессе обсуждения.

Таким образом, к февралю 1981 года Испания вновь оказалась на грани управленческого вакуума. Парламент должен был назначить нового главу правительства — кандидатом стал Леопольдо Кальво-Сотело. Он был выдвинут «Союзом демократического центра» (UCD) и должен был быть утверждён на этом посту в ходе голосования в Конгрессе депутатов [112, с. 321–324]. В этих условиях день голосования в Конгрессе — 23 февраля 1981 года воспринимался не просто как формальная процедура утверждения

нового председателя правительства, но как момент институциональной проверки всей испанской демократической архитектуры, созданной за предыдущие пять лет. В атмосфере нарастающей неуверенности и тревоги, охватившей как политические элиты, так и силовые структуры, именно этот день стал отправной точкой для наиболее серьёзного вызова новой конституционной системе — попытки насильственного возврата к авторитарному вмешательству в политику.

Вечером 23 февраля 1981 года, в момент голосования в Конгрессе депутатов по кандидатуре Леопольдо Кальво-Сотело на пост главы правительства, в здание парламента ворвался отряд вооружённой гражданской гвардии под командованием подполковника Антонио Техеро Молины. Около 200 человек с оружием окружили здание, захватили зал заседаний и удерживали депутатов и членов правительства на протяжении почти 18 часов [62, с. 116].

Одновременно, в Валенсии генерал Хайме Миланс дель Бош, командующий III военным округом, вывел на улицы бронетехнику и объявил чрезвычайное положение. Он отдал распоряжение занять телецентр, правительственные учреждения и ключевые коммуникации, что можно было расценить как начало военного мятежа с координацией по нескольким направлениям. Генерал также отослал в Мадрид телетайп с требованием признания военной интервенции в целях «восстановления порядка» [103, с. 473–493].

В этой обстановке ключевое значение приобрела позиция начальника генерального штаба Альфонсо Армеда, который отказался поддержать заговор и остался верен Конституции. Армеда, хотя и имел связи с некоторыми участниками, занял выжидательную позицию, стремясь убедить старших офицеров в пагубности военного вмешательства [93, с. 101–108]. В течение ночи большинство военных округов выступили против переворота, не поддержав действия Миланса и Техеро.

В Мадриде все правительственные и парламентские органы были парализованы. Заместители министров действовали по неофициальным каналам, распространяя сообщения о непризнании захвата власти. Средства массовой информации, включая радио «Cadena SER» и телевидение «RTVE», играли решающую роль в сохранении общественного спокойствия, транслируя сдержанные выпуски новостей и призывы к соблюдению порядка [87, с. 41–54].

Реакция населения была смешанной: с одной стороны, испанцы были шокированы воспроизведением образов старого режима — военных в зале кортесов, стрельбы в воздух и угрозы свободе; с другой — массовых беспорядков не произошло, улицы оставались в основном пустыми [62, с. 186]. Это свидетельствовало о внутренней готовности общества к защите демократических институтов, пусть даже пассивной.

В ночь с 23 на 24 февраля 1981 года ключевым фактором, остановившим развитие заговора и предотвратившим институциональную катастрофу, стало решительное вмешательство короля Хуана Карлоса I. Его реакция не только продемонстрировала политическую зрелость, но и закрепила за монархом роль гаранта демократического порядка, предусмотренную Конституцией.

Когда стало ясно, что группа военных пытается воспользоваться парламентским кризисом для восстановления авторитарного управления, король, как верховный главнокомандующий, активировал контакты с командующими военных округов. По сообщениям современников, он в течение нескольких часов вёл переговоры с генералами, чтобы убедиться, что большинство армейского командования не поддерживает мятежников [59, с. 51–58].

В критический момент — в 1:14 ночи 24 февраля — король выступил с телеобращением, транслировавшимся по национальному телевидению «RTVE». Он появился в военной форме, в качестве главы вооружённых сил, и однозначно осудил действия заговорщиков, призвав все государственные

структуры сохранять верность Конституции и законам: «Корона, как символ единства и преемственности, не может допустить любого рода вмешательства, которое нарушало бы принципы демократии, принятые испанским народом» [28].

Это выступление было не просто формальным заявлением: в глазах нации и международного сообщества оно ликвидировало всякие сомнения в лояльности монархии демократии. Более того, его воздействие было мгновенным: в течение нескольких часов начался откат мятежа. Военные, не получившие поддержки сверху, стали отказываться от участия; Техеро сдался, получив гарантии, что над ним будет суд гражданским, а не военным судом; Миланс дель Бош был арестован [57, с. 733–736]. Попытка путча фактически завершилась в течение суток.

Таким образом, действия Хуана Карлоса I в ночь 23–24 февраля стали решающим моментом не только для судьбы переворота, но и для всей испанской политической системы. Его позиция закрепила представление о монархе как о конституционном арбитре, а не политическом акторе — в полном соответствии со статьями 56–65 Конституции Испании 1978 года.

Сразу же после подавления мятежа началось расследование и судебное преследование участников заговора. В марте 1981 года Генеральная прокуратура Испании инициировала уголовное разбирательство против ключевых фигурантов, в том числе:

- подполковника Антонио Техеро (гражданская гвардия),
- генерала Хайме Миланс дель Боша (военный округ Валенсии),
- генерала Альфонсо Армеда (начальник штаба) [34, с. 273].

Судебный процесс проходил в Верховном суде Испании и продолжался до июня 1982 года. По итогам разбирательства были вынесены приговоры:

- Техеро получил 30 лет лишения свободы,
- Миланс дель Бош — 26 лет,
- Армеда — 6 лет, позже срок был увеличен до 14 лет.

Что интересно, хотя Армеда не принимал активного участия в захвате Конгресса и не отдавал приказов, он предварительно участвовал в координационных встречах с Техеро, генералом Милансом дель Бошем и другими военными, недовольными курсом Суареса. Прокуратура установила, что Армеда не доложил вовремя о планируемом мятеже и в первые часы 23 февраля не предпринял шагов по его нейтрализации [44, с. 143].

Что касается других участников, то они получили условные наказания, что вызвало критику в левой прессе за «мягкость» [42, с. 91–108]. Однако важнейшее значение имел не столько срок наказания, сколько сам факт того, что заговорщики были осуждены открытым судом, в соответствии с нормами права, а не административно или внесудебно. Это стало демонстрацией верховенства закона и правовой состоятельности нового режима.

В ответ на угрозу вмешательства армии в политическую жизнь власти провели ряд реформ, направленных на деполитизацию и подчинение военной структуры гражданским институтам. Уже в 1981 году была начата реорганизация министерства обороны, обновлён кадровый состав в Генеральном штабе, уволены или переведены в резерв генералы, высказывавшиеся в поддержку «порядка» или проявившие пассивность в ходе событий [50, с. 97–105].

В 1982 году было создано Министерство обороны в современном виде, объединяющее ранее разрозненные военные ведомства, что обеспечило централизацию и политическую подконтрольность армии [51, с. 102].

Дополнительно в уставы вооружённых сил были внесены положения, ограничивающие участие военных в политических высказываниях и общественной активности. Эти меры стали основой формирования европейской модели армейской нейтральности, аналогичной той, что действует во Франции и ФРГ [52, с. 161–164].

После провала переворота политический спектр Испании продемонстрировал беспрецедентное единство. Парламентские фракции — от социалистов до христианских демократов — выступили с совместным заявлением, осудив попытку государственного переворота и поддержав действия короля [60, с. 86–93]. Это стало актом политического консенсуса, демонстрирующего зрелость партийной системы. Переворот, предпринятый в момент политической турбулентности, был остановлен не внешней силой, а действием конституционных институтов, прежде всего короля, суда и парламента. Тем самым демократия продемонстрировала не только свою формальную законность, но и фактическую дееспособность в условиях кризиса.

В общественном восприятии события 23 февраля стало символическим завершением транзита — того самого процесса, который с 1975 года строился на компромиссах, осторожности и институциональном балансе. Если смерть Франко открыла путь к трансформации, а Конституция 1978 года закрепила правовые рамки новой системы, то именно провал переворота 1981 года верифицировал её жизнеспособность. С этого момента испанская демократия перестала восприниматься как хрупкий компромисс и утвердилась как единственно возможная форма государственного устройства.

Параллельно произошёл глубокий психологический сдвиг: идея возврата к диктатуре была не только политически невозможной, но и общественно неприемлемой [74, с. 1218–1230]. Демаркация между старым режимом и новой эпохой была проведена не декларативно, а через реальный политико-правовой конфликт, в котором демократия вышла победителем. Уже в октябре 1982 года прошли досрочные выборы, на которых победу одержала «Испанская социалистическая рабочая партия» (PSOE) во главе с Фелипе Гонсалесом [40, с. 289]. Власть перешла к оппозиции — впервые в истории испанской демократии XX века через выборы. Этот факт стал окончательным доказательством того, что политическая система обрела

устойчивость и признание со стороны общества, институтов и международного сообщества.

Таким образом, к середине 1981 года переход от диктатуры к демократии можно считать завершённым. Испания окончательно вошла в число стабильных парламентских государств Западной Европы, сохранив при этом мирный характер перемен и высокую степень институциональной преемственности — что делает её переход уникальным историческим примером «демократии по соглашению».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема перехода Испании от авторитарного режима к демократическому устройству в период 1973–1981 гг. представляет собой один из наиболее значимых и изучаемых примеров мирной политической трансформации во второй половине XX века. В условиях, когда в Европе существовали устойчивые недемократические политические режимы с глубоко укоренённой системой подавления и монопольного контроля над обществом, именно Испания продемонстрировала, что возможен эволюционный, а не революционный путь демонтажа автократии, опирающийся на институциональный компромисс и национальный консенсус.

Актуальность темы определяется не только её историческим значением, но и современной востребованностью знаний о механизмах успешного транзита: в эпоху глобальной нестабильности, когда демократические институты подвергаются ревизии, опыт Испании продолжает служить эталоном политического баланса и правового переустройства, достигнутого без массового насилия и гражданского конфликта.

Целью данной работы являлось всестороннее исследование процессов демонтажа франкистского режима, анализа ключевых политических решений, социальных предпосылок, международного давления, а также закрепления новой модели власти в условиях системного кризиса. В центре внимания находился поиск ответа на вопрос, каким образом Испания сумела в краткий исторический срок преодолеть авторитаризм, не утрачивая управляемости и не разрушая социальный порядок.

Проведённый анализ позволил выделить три ключевых этапа в процессе демонтажа франкистского режима и формирования демократического порядка в Испании.

На первом этапе, охватывающем период с середины 1960-х до начала 1970-х годов, были выявлены глубинные экономические и социальные сдвиги, которые подорвали основы режима изнутри. Быстрый рост урбанизации, модернизация промышленности, формирование нового среднего класса, рост образовательного уровня и развитие туризма привели к постепенному размежеванию между авторитарной моделью управления и реальными общественными ожиданиями. Политическая система, сохранявшая формальные признаки «органической демократии», уже не отражала интересы растущего городского населения и бизнеса. Усиливающееся давление со стороны оппозиции — как внутри страны, так и со стороны международных структур — усилило противоречия, приведшие к ослаблению легитимности франкизма в завершающий период жизни диктатора.

На втором этапе — с 1973 по 1976 год — Испания вступила в фазу перехода, начавшуюся с политического кризиса после убийства премьер-министра Луиса Карреро Бланко. Период, ознаменованный смертью Франко и восшествием на престол Хуана Карлоса I, стал временем первых институциональных реформ, проводимых под контролем монархии и нового премьер-министра Адольфо Суареса. Законы об амнистии, легализации партий, реформе политического представительства и, наконец, Закон о политической реформе 1976 года создали юридическую платформу для мирной трансформации власти. Эти меры сопровождались постепенным формированием нового политического класса, включавшего в себя как умеренных реформаторов из бывшего франкистского аппарата, так и представителей оппозиции, допущенных к диалогу.

Наконец, третий этап, охватывающий период с 1977 по 1981 год, стал временем утверждения демократической модели, символически и юридически закреплённой Конституцией 1978 года. Проведение первых свободных выборов, утверждение института парламентаризма, принятие автономных статутах, а также отказ от люстрационных практик создали

прочную основу для стабильного правового государства. Попытка военного переворота 23 февраля 1981 года стала последним серьёзным вызовом, на который государство ответило в рамках правового поля. Именно эта реакция, а также публичная позиция монарха и гражданская зрелость общества продемонстрировали: демократия в Испании стала не временным экспериментом, а консолидированной реальностью.

Поставленный в начале исследования вопрос — возможно ли мирное и институциональное преодоление авторитаризма без разрушения государственного механизма и с сохранением легитимности власти — получил в ходе диссертации положительный ответ. Исторический пример Испании свидетельствует о том, что демократический транзит может быть достигнут не через революционный разрыв, а через согласованный процесс реформ, предполагающий юридическую преемственность, политическое включение оппозиции и ограничение силовых сценариев.

Важнейшими условиями успешного перехода стали:

- наличие политической воли со стороны ключевых фигур старого режима (в первую очередь — короля Хуана Карлоса I и премьер-министра Суареса),
- поэтапный демонтаж старой системы через легальные механизмы (а не стихийные разрушения),
- широкое общественное согласие, включая поддержку новых институтов на референдумах и выборах,
- и, наконец, отказ от реваншистских настроений — как в адрес франкистов, так и в отношении радикальных оппозиционных групп.

Опыт испанского перехода уникален тем, что при внешнем сходстве с другими примерами демократизации он объединил в себе черты «реформ сверху» и «мобилизации снизу», превратившись в одну из самых сбалансированных моделей мирного транзита в Европе второй половины XX века. Более того, Испания показала, что демократия может быть учреждена не вопреки праву, а при помощи его системной адаптации, что

само по себе имеет огромное теоретическое значение в контексте поставторитарных обществ.

Проведённое исследование вносит вклад в осмысление одного из важнейших процессов в истории современной Европы — перехода от авторитарной модели правления к демократическому устройству, основанному на праве, институтах народного представительства и уважении к правам личности. В условиях сохраняющегося в научной литературе интереса к сравнительным трансформациям в Южной Европе, Латинской Америке и Восточной Европе, испанский случай продолжает быть лабораторией мирного транзита, к которой обращаются политологи, историки, социологи и юристы.

Работа может быть полезна:

- при преподавании курсов по новейшей истории Европы, истории диктатур и переходных периодов, политической истории Испании;
- в рамках курсов по конституционному праву и транзитологии, как пример успешной правовой трансформации без смены конституционного строя силовым путём;
- при разработке сравнительных политических моделей мирной демократизации.

Помимо академической ценности, изучение опыта Испании может быть практически значимо для обществ, переживающих процессы политической трансформации. Модель, предложенная испанскими реформаторами, демонстрирует важность политического компромисса, институционального минимализма и последовательного включения различных сегментов общества в процесс изменений.

Таким образом, исследование подтвердило, что демократия в Испании не только была учреждена в результате политических решений, но и прошла испытание на прочность, закрепившись в общественном сознании как безальтернативная форма политического бытия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Источники

1. Constitución Española 1978 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1978-31229> (дата обращения: 25.05.2025).
2. Cortes Españolas. Diario de las sesiones del Pleno. X Legislatura, núm. 29. Sesión celebrada los días 16, 17 y 18 de noviembre de 1976. Presidencia del Excmo. Sr. D. Torcuato Fernández-Miranda y Hevia. Proyecto de Ley para la Reforma Política. Comisión de Leyes Fundamentales y Presidencia del Gobierno. – URL: https://www.congreso.es/docu/PHist/docs/8fran/sesion16_17_18.pdf (дата обращения: 25.05.2025).
3. Decreto-Ley 10/1959, de 21 de julio, de ordenación económica // Boletín Oficial del Estado. – 1959. – N° 176. – 23 julio. – P. 10373–10375. – URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1959-9920> (дата обращения: 25.05.2025).
4. Ley 14/1970, de 4 de agosto, General de Educación y Financiamiento de la Reforma Educativa // Boletín Oficial del Estado. – 6 de agosto de 1970. – N.º 187. – P. 12500–12526. – URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1970-852> (дата обращения: 25.05.2025).
5. Ley de Reforma Política, 1976 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.boe.es/boe/dias/1976/12/15/pdfs/A24530-24530.pdf> (дата обращения: 25.05.2025).
6. Ley de Sucesión en la Jefatura del Estado, 1947 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1947/160/A03272-03273.pdf> (дата обращения: 25.05.2025).
7. Ley Orgánica del Estado 1/1967, [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1967-5> (дата обращения: 25.05.2025).

8. Ley sobre designación de sucesor, 1969 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1969-915> (дата обращения: 25.05.2025).
9. Ministerio de Información y Turismo de España. Comunicado oficial sobre el fallecimiento de S.E. el Jefe del Estado, Generalísimo Francisco Franco Bahamonde // Boletín Oficial del Estado. – 1975. – Núm. 278. – 20 de noviembre. – P. 1.
10. Real Decreto 2/1974, de 30 de junio, por el que el Príncipe de España asume la Jefatura del Estado // Boletín Oficial del Estado. – 1974. – 1 julio. – Nº 155. – P. 13655. – URL: <https://www.boe.es/boe/dias/1974/07/01/pdfs/A13655-13655.pdf> (дата обращения: 25.05.2025).
11. Real Decreto-ley 10/1976, de amnistía [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1976-14963> (дата обращения: 25.05.2025).
12. Real Decreto-ley 20/1977, sobre Normas Electorales [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1977-7445> (дата обращения: 25.05.2025).
13. Diario de Sesiones del Congreso de los Diputados, 23 de julio de 1969 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.congreso.es/docu/PHist/docs/09cons/Diario_Sesiones_23-07-1969.pdf (дата обращения: 25.05.2025).
14. Diario de Sesiones de las Cortes Españolas, 22 de noviembre de 1975 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.congreso.es/docu/PHist/docs/09cons/Diario%20Sesiones_22-11-1975.pdf (дата обращения: 25.05.2025).
15. Diario de Sesiones del Consejo de Ministros. Acta del 23 de noviembre de 1975. – Archivo General de la Administración (AGA), Sección Presidencia.
16. Alianza Popular. Programa electoral. Elecciones Generales 1977. – [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.march.es/es/coleccion/archivo-](https://www.march.es/es/coleccion/archivo-89)

[linz-transicion-espanola/ficha/presentacion-candidaturas-alianza-popular--linz.R-1679](#) (дата обращения: 25.05.2025).

17. Elecciones Generales 1977. Resultados oficiales. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.juntaelectoralcentral.es/cs/jec/documentos/GENERALES_1977_Resultados.pdf (дата обращения: 25.05.2025).

18. Partido Comunista de España (PCE). Programa electoral. Elecciones Generales 1977 // Archivo General de la Región de Murcia. – [Электронный ресурс]. – URL: https://archivogeneral.carm.es/archivoGeneral/arg.detalle_documento?idDetalle=8142422 (дата обращения: 25.05.2025).

19. Partido Socialista Obrero Español (PSOE). Programa electoral. Elecciones Generales 1977. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.psoe.es/media-content/2015/03/Programa-Electoral-Generales-1977.pdf> (дата обращения: 25.05.2025).

20. Programa electoral de UCD. Progresista y hacedero. – Fundación Juan March. Archivo Linz de la Transición Española. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.march.es/es/coleccion/archivo-linz-transicion-espanola/ficha/programa-electoral-ucd-progresista-hacedero--linz.R-33459> (дата обращения: 25.05.2025).

21. Estado de salud del Jefe del Estado // ABC. – 1975. – 30 octubre. – P. 1.

22. Giniger, H. Franco Is Dead in Madrid at 82 // The New York Times. – 1975. – 20 November. – P. 1.

23. Últimas noticias sobre la evolución del Caudillo // Ya. – 1975. – 18 noviembre. – P. 1.

24. Amnesty International. Spain: A Briefing on Human Rights Developments, 1960–1975 // Amnesty International Library. – URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/eur41/001/1975/en/> (дата обращения: 25.05.2025).

25. Council of Europe. Resolution 492 (1971) on the situation in Spain // Parliamentary Assembly of the Council of Europe. – Strasbourg, 1971.

26. Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Volume E–15, Part 2. Spain: Documents 185–199. – Washington, D.C.: U.S. Department of State, Office of the Historian, 2006. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve15p2> (дата обращения: 25.05.2025).

27. United Nations. Resolutions adopted by the General Assembly during its First Session. Resolution 39(I). The Spanish Question. – New York: United Nations, 1946. – P. 22–23.

28. Discurso de Su Majestad el Rey Juan Carlos I el 23 F de 1981// RTVE Archivo [видео]. – YouTube, 2021. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iXSkHpk-nXE> (дата обращения: 25.05.2025).

29. Franco visto por sus ministros / [compilación y prólogo] Luis Suárez Fernández. – Madrid: Planeta, 1993. – 680 p.

30. Archivo General de la Administración. Fondo Presidencia del Gobierno. – Correspondencia del Rey, julio de 1976. – Alcalá de Henares: Archivo General de la Administración.

31. Junta Electoral Central. Resultados oficiales de referéndum y elecciones [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.junteelectoralcentral.es/cs/jec/referendos/nacionales> (дата обращения: 25.05.2025).

32. Referéndum Constitucional de 1978. Convocatoria oficial. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.junteelectoralcentral.es/cs/jec/documentos/Referendum_1978_Convocatoria.pdf (дата обращения: 25.05.2025).

33. Referéndum de 15 de diciembre de 1976. Convocatoria y normativa aplicable. – [Электронный ресурс]. – URL:

https://www.juntaelectoralcentral.es/cs/jec/documentos/Referendum_1976_Convocatoria.pdf (дата обращения: 25.05.2025)

Литература

34. Алексеева Т. А. История испанской конституции. – М.: Проспект, 2011. – 304 с.
35. Алексеева Т. А. Конституционные основы организации государственной власти в Испании // Актуальные проблемы теории и истории государства и права. – СПб., 2004. – С. 113–117.
36. Алькутен, А. С. Роль Европы в переходе к демократии в Испании: какое влияние оказали на процесс Франция, Федеративная Республика Германия и Великобритания (1974–1978)? Часть 1 / А. С. Алькутен // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2016. – Т. 17. – С. 109–129.
37. Алькутен, А. С. Роль Европы в переходе к демократии в Испании: какое влияние оказали на процесс Франция, Федеративная Республика Германия и Великобритания (1974–1978)? Часть 2 / А. С. Алькутен // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2016. – Т. 18. – С. 58–68.
38. Антоненко, П. С. Демократизация католической церкви в Испании в 1976–1978 годах / П. С. Антоненко // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2020. – № 4. – С. 43–47.
39. Баранова Т. Н., Лукьянова Л. И. Испания: истоки и современные тенденции оппозиционного движения. – М.: Наука, 1977. – 152 с.
40. Блэк, Д. Краткая история Испании / пер. с англ. В. В. Степановой. – М.: КоЛибри, 2022. – 320 с.
41. Бунина, З. Б. Католическая церковь современной Испании (60-е – первая половина 70-х годов) // Проблемы испанской истории / отв. ред. С. П. Пожарская. – М.: Наука, 1979. – С. 48–77.

42. Василенко, Ю. В. Трансформации политической идеологии франкизма в современной Испании / Ю. В. Василенко // Антиномии. – 2022. – Т. 22, вып. 1. – С. 91–108.
43. Вилальонга де Х. Л. Король. Беседы с королём Испании Доном Хуаном Карлосом // Вестник Европы: электронный журнал. – 2005. – № 16. – URL: <https://www.vestnik-europa.ru/issues/16> (дата обращения: 26.05.2025).
44. Вилар, П. История Испании / Пер. с фр. И. Борисовой. – М.: Астрель, 2006. – 222 с.
45. Висенс, Х. Записки по истории франкистского режима // Проблемы испанской истории / отв. ред. С. П. Пожарская. – М.: Наука, 1979. – С. 79–106.
46. Волкова, Г.И. Политическая история Испании XX в. / под ред. Г.И. Волкова, А.В. Дементьева. – М.: Высшая школа, 2005. – 190 с.
47. Высоков Ю. В. Газеты Diario 16 (1976–2001) и El Mundo (1989–2011) в информационном пространстве демократической Испании // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Политология. Международные отношения. – 2016. – Вып. 1. – С. 120–128.
48. Глазов, А. А. Социально-политическая эволюция франкизма как основа перехода Испании к демократии в 1975–1982 гг. / А. А. Глазов // Политические процессы в современном мире. – 2021. – № 3. – С. 85–93.
49. Документы II Ватиканского собора / пер. с лат. А. Ковалю. – М.: Паолине, 1998. – 589 с.
50. Дуран, Р. Переход к демократии на Иберийском полуострове: памяти Хуана Х. Линца / Рафаэль Дуран; пер. с исп. М. В. Шуруповой // Политические исследования. – 2019. – № 2. – С. 97–105.
51. Жуков, Н. Н. Законодательство Испании в эпоху конституционного транзита / Н. Н. Жуков // Ибероамериканские тетради. – 2021. – Т. 9, № 2. – С. 96–109.
52. Зайковский, М. С. Сценарии демократической эволюции авторитарных режимов (на примере Чили, Португалии и Испании) / М. С.

Зайковский; науч. рук. Г. Ю. Чернов // Актуальные вопросы устойчивого развития России и исследованиях студентов: управленческий, правовой и социально-экономический аспекты: материалы XVII Всероссийской студенческой научно-практической конференции (Челябинск, 25–26 апреля 2019 г.). В 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. С. В. Нечаева. – Челябинск: Чел. филиал РАНХиГС, 2019. – С. 161–164.

53. Закон о прессе и печати 1966 года Мануэля Фраги Ирибарне // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. – 2004. – М.: [б. и.]. – Вып. за 2003 г. – 1 п. л.

54. Испания, 1918–1972 / отв. ред. И. М. Майский. – М.: Наука, 1975. – 495 с.

55. Испания. Конституция и законодательные акты. – М.: Прогресс, 1982. – 351 с.

56. Испания – Каталония: империя и реальность. – М.: REGNUM, 2007. – 92 с.

57. История Испании. В 2 т. Т. 2: От войны за испанское наследство до начала XXI века / ред. М. А. Липкин, О. В. Волосюк, Е. Э. Юрчик. – М.: Индрик, 2014. – 872 с.

58. Калинина, Е. Ю. Процесс трансформации правового и политического сознания в переходный период (транзита). Пример Испании в 1975–1983 гг. / Е. Ю. Калинина // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2015. – № 3 (44). – С. 43–46.

59. Коромчакова, С. К. Хуан Карлос I: вступление на престол и демонтаж франкизма / С. К. Коромчакова // Молодежный научный вестник. – 2017. – № 6 (18). – С. 51–58.

60. Котельникова И. Н. Испания в годы демократии (1975–2000) // Вестник Пермского университета. История. – 2014. – Вып. 3 (26). – С. 86–93.

61. Краси́ков А. А. Испания после Франко. – М.: Знание, 1982. – 62 с.
62. Краси́ков А. А. Испанский репортаж. – М.: Политиздат, 1981. – 272 с.
63. Краснощеков, Н. А. Военно-политические контакты Испании и США (1948–1950 гг.) в условиях дипломатической изоляции режима Ф. Франко / Н. А. Краснощеков // Обозреватель – Observer. – 2022. – № 7–8. – С. 108–118.
64. Мадатов, А. С. Региональные особенности демократизации: опыт Южной Европы. Статья 2 / А. С. Мадатов // Политические процессы в современном мире. – М.: Российский университет дружбы народов, 2022. – С. 43–50.
65. Мардалиев, Р. Т. «Пакты Монклоа» как условие общественного согласия при переходе от франкизма к демократическому режиму в Испании в 1975–1978 гг. / Р. Т. Мардалиев // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2016. – № 3 (32). – С. 35–40.
66. Михайлин, И. В. Политическое консультирование как одна из форм «мягкой силы» (на примере опыта Испании по переходу от авторитаризма к представительной демократии) / И. В. Михайлин // «Мягкая сила»: теория и практика в международных отношениях. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2018. – С. 132–143.
67. Орлов, А. А. Баскский терроризм уходит в историю / А. А. Орлов // Актуальные вопросы международных отношений и глобального развития. – 2021. – № 5. – С. 135–143.
68. Орлов, А. А. Тенденции эволюции партийной системы Испании в постфранкистский период / А. А. Орлов // Партии и политические движения. – 2022. – № 1. – С. 98–110.
69. Перес-Реверте, А. История Испании. – М.: КоЛибри, 2021. – 412 с.

70. Пожарская С. П. От 18 июля — долгий путь. — М.: Молодая гвардия, 1977. — 176 с.
71. Пожарская, С. П. Франсиско Франко и его время. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. — 410 с.
72. Понеделко, Г. Н. Государство в экономике Испании: взгляд в прошлое и современность. — М.: Наука, 1991. — 144 с.
73. Пономарёва, Л. В. Испанский католицизм в XX в.. — М.: Наука, 1989. — 288 с.
74. Посас, М. Х. Переход Испании к демократии как модель политической консолидации / М. Х. Посас // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2020. — Т. 65, вып. 4. — С. 1218–1230.
75. Престон, П. Франко: Биография. — М.: Центрполиграф, 1999. — 702 с.
76. Скобелева, А. А. Переход Испании к демократии в 1970-х годах: его нормативная база и источники / А. А. Скобелева // Студенческий вестник. — 2023. — № 15-5 (254). — С. 55–59.
77. Современная Испания / [А. В. Авилова, В. С. Акимов, Т. Н. Баранова и др.]; отв. ред. В. В. Загладин. — М.: Политиздат, 1983. — 383 с.
78. Современная Испания: проблемы и решения / отв. ред. А. В. Кузнецов. — М.: ИМЭМО РАН, 2018. — 101 с.
79. Социально-экономические и политико-идеологические процессы в Испании. — М.: Наука, 1981. — 295 с.
80. Степура, И. В. Телевидение и радио Аппенинского п-ова: от времён консервативной модернизации к демократическому пути (Испания и Португалия) / И. В. Степура // Экономика и социум. — 2014. — № 3 (12). — С. 366–370.
81. Ушаков, Ю. В. Демократический транзит в Испании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2018. — № 4. — С. 19–26.

82. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон [перевод с английского Л.Ю. Пантшой]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 368 с.
83. Хенкин С.М. Хуан Карлос I: политический портрет. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. пробл. Отд. Зап. Европы и Америки. – М., 2001. — 92 с.
84. Хенкин, С. М. «Баскская проблема» как фактор разобщения испанской политики / С. М. Хенкин // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 124–135.
85. Хенкин, С. М. Монархия и переход к демократии в Испании / С. М. Хенкин // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10, № 6. – С. 82–97.
86. Хенкин, С. М. Националистический терроризм: ЭТА в Испании / С. М. Хенкин // Европа и современный мир. – 2015. – № 2. – С. 173–181.
87. Хенкин, С. М. Политическая толерантность и переход к демократии в Испании / С. М. Хенкин // Политическая толерантность в мультиэтническом регионе: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 11–13 ноября 2003 г.). – Ростов-на-Дону: Региональный ресурсный политологический центр при РГУ, 2004. – С. 41–54.
88. Хенкин, С. М. Правящая элита Испании: политические практики и социальный облик / С. М. Хенкин // Актуальные проблемы Европы. – 2017. – № 2. – С. 127–148.
89. Хенкин, С. М. Сепаратизм и его разновидности в Испании / С. М. Хенкин // Европа и современный мир. – 2016. – № 2 (53). – С. 194–202.
90. Хенкин, С. М. Феномен сепаратизма: опыт Испании: учеб. пособие. – М.: МГИМО-Университет, 2017. – 110 с.
91. Хенкин, С. М. ЭТА: расцвет и кризис националистического терроризма в Испании / С. М. Хенкин // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 4 (63). – С. 155–163.

92. Черкасова Е. Г. Испания: переход к демократии и национальный вопрос // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1994. – № 4. – С. 121–127.
93. Шорохова, Е. Демократический транзит в Испании 1975–1982 гг.: оценка значения для современности в испанской научной литературе / Е. Шорохова // *Generation PP*. Приложение к журналу «Публичная политика». – 2021. – Т. 1, № 4. – С. 101–108.
94. Alba, V. *Transition in Spain: From Franco to Democracy*. – New Brunswick: Transaction Books, 1978. – 256 p.
95. Black Stanley G. *Modern Spain: A Documentary History*. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007. – 352 p.
96. Carr R., Fusi J. P. *Spain: Dictatorship to Democracy*. – London: Allen & Unwin, 1979. – 282 p.
97. Cazorla Sánchez, A. *Fear and Progress: Ordinary Lives in Franco's Spain, 1939–1975*. – Chichester: Wiley-Blackwell, 2010. – 278 p.
98. Coverdale, J. *The Political Transformation of Spain after Franco*. – New York: Praeger, 1979. – 288 p.
99. Eaton, D. S. *The Forces of Freedom in Spain, 1974–1979*. – Stanford: Hoover Institution Press, 1981. – 210 p.
100. Hooper, J. *The New Spaniards*. – London: Penguin Books, 1995. – 470 p.
101. Huntington, S. P. *Political order in changing societies*. – London: Yale University Press, 1968. – 488 p.
102. Lipset, S. M. *Political man: the social bases of politics*. – N.Y.: Doubleday, 1959. – 586 p.
103. *Los pactos de la Moncloa // Transición política y consolidación democrática. España (1975–1986)*. – Madrid: Centro de Investigaciones Sociológicas, 1992. – P. 473–493.
104. Maravall, J. M. *Transición a la democracia, alineamientos políticos y elecciones en España // Sistema*. – Madrid, 1980. – N° 36. – P. 3–22.

105. Navarro Sánchez, Á. J. La transición en sus documentos. – Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 1998. – 661 p.
106. O'Donnell, G. A. Modernization and Bureaucratic-Authoritarianism: Studies in South American Politics. – Berkeley: Institute of International Studies, University of California, 1973. – 108 p.
107. Payne, S. G. The Franco Regime, 1936–1975. – Madison: University of Wisconsin Press, 1987. – 636 p.
108. Preston, P. Franco «Caudillo de España». – Barcelona: Grijalbo Mondadori, 1998. – 768 p.
109. Preston, P. The Triumph of Democracy in Spain. – London: Routledge, 2001. – 320 p.
110. Radcliff, Pamela Beth. Modern Spain: 1808 to the Present. – Hoboken: Wiley-Blackwell, 2017. – 352 p.
111. Rodríguez Sabín, J. M. La dictadura franquista (1939–1975). Textos y documentos / J. M. Rodríguez Sabín. – Madrid: Istmo, 1997. – 449 p.
112. Santos, J. Un siglo de España. Política y sociedad. – Madrid: Marcial Pons, 1999. – 464 p.
113. Suárez González, A. Un nuevo horizonte para España: Discursos del Presidente del Gobierno, 1976–1978. – Madrid: Instituto de Estudios Políticos, 1978. – 298 p.
114. Townson, N. Spain Transformed: The Late Franco Dictatorship, 1959–75. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. – 278 p.
115. Tusell, J. La transición española. La recuperación de las libertades. – Madrid: Varios, 1977. – 328 p.
116. Tusell, Javier. Carrero: la eminencia gris del régimen de Franco. – Madrid: Taurus, 2001. – 544 p.
117. Tusell, Javier. Historia de España en el siglo XX. Vol. 2: La dictadura de Franco. – Madrid: Taurus, 2000. – 624 p.
118. Vidal Beneyto, J. Del franquismo a una sociedad de clase. – Madrid: Ediciones de la Torre, 1977. – 224 p.